

БРАК ПО ДОГОВОРУ

Два звонка в неделю

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— Ляля Либерман —

Ляля Либерман

**Брак по договору.
Два звонка в неделю**

«Автор»

2026

Либерман Л.

Брак по договору. Два звонка в неделю / Л. Либерман —
«Автор», 2026

Для всех, кто когда-нибудь слышал голос бывшего в трубке. И не смог нажать «отбой». Потом плакал и клялся. Проходило время. И снова слышал голос бывшего. Только уже никто не плачет. Они созваниваются дважды в неделю. Это их ритуал. Брак по договору. Никто не знает. Никто не посвящён. Это маленький заговор против всех. И против одиночества. Любовь не всегда заканчивается свадьбой. Иногда она заканчивается двумя звонками в неделю. И это — лучшее, что могло случиться.

© Либерман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ.	5
Глава 1. ДВА ЗВОНКА	7
Глава 2. БРЯНСК	12
Глава 3. СБОРЫ	17
Глава 4. ВСТРЕЧА	22
Глава 5. СОВМЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	28
Глава 6. ВЕЧЕР	33
Глава 7. ДЕРЕВНЯ	37
Глава 8. КОМПРОМАТ	42
Глава 9. ЧТО ЕСТЬ ПРАВДА	46

Ляля Либерман

Брак по договору. Два звонка в неделю

ПРОЛОГ.

Крым. Июль. Плюс тридцать пять в тени.

Кондиционер в лобби отеля хрипел, как загнанная лошадь. И периодически вырубался — видимо, для того, чтобы окончательно добить отдыхающих. Народ в очереди на заселение плавился, обмахивался папками с ваучерами и тихо ненавидел весь полуостров разом.

Илюхин стоял у стойки. Рядом с ним — три чемодана, один детский рюкзак с динозавром, жена Геля и двое сыновей-близнецов. Стёпка и Тёпка пищали, что хотят на море. Немедленно. Прямо сейчас. Вода в бассейне, который виднелся за стеклянными дверями, манила бирюзовым и обещала спасение. Но заезд был с двух. На часах — двенадцать ноль пять.

— Мужчина, ну сколько можно? — девушка-администратор смотрела на него с сочувствием, но непреклонно. — Час заезда. Раньше не могу. Система.

— А если я доплачу? — Илюхин полез за кошельком.

— Дело не в деньгах. Система не пропустит.

Он вздохнул. Геля стояла рядом с олимпийским спокойствием. Сказывался многолетний преподавательский опыт. Она уже приняла этот мир как есть — с его неработающими кондиционерами и тупыми системами. Отец-военный научил её. Не можешь изменить, не дёргайся. Окопался и жди команды.

— Пап, ну пошли уже, — Стёпка потянул его за футболку.

— Сынок, ну куда мы пойдём? Номер не готов.

— А мы в бассейн.

— Без номера нельзя.

— А почему?

— Потому что система, — Илюхин вытер пот со лба.

Очередь за ним начала тихо роптать. Кто-то уже махал веером из журнала «Отдых в Крыму». Кондиционер издал последний вздох и отключился окончательно. В лобби стало тихо и душно. Как в бане.

В самый пик балагана, когда Тёпка уже лежал на чемодане и ныл, а Стёпка пытался открыть стеклянную дверь на террасу, — входная дверь распахнулась.

На пороге стояла Алька Петрова. Худая, мелкая, в потёртой кожаной куртке — в плюс тридцать пять. Да. Сигарета за ухом. Бирюзовое каре. И под руку с молодым капитаном полиции — бодибилдером, которому форма явно жала в бицепсах. И везде.

Она явилась, как входят в собственный дом. То есть с уверенностью, что мир подождёт. Огляделась. Увидела очередь. И несчастного Илюхина.

Их взгляды встретились.

Илюхин замер. Рука с кошельком повисла в воздухе. Лицо — сначала белое стало красным. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не сказал.

Потому что заговорила Геля. Ехидным, хорошо поставленным голосом преподавателя академии МВД:

-- Здравия желаю, товарищ слушатель Остапчук. А вы, какими судьбами? Тоже, как лучший журналист года?

Бравый бодибилдер вытянулся в струнку и ответил на приветствие не менее хорошо поставленным голосом:

-- Никак нет, Ангелина Степановна! Вот, в последний момент вручили горящую путевку, по результатам командировки. Ну, вы знаете. Даже вещей не взяли. Прибыли по месту назначения. С невестой.

-- С невестой?! – Геля вежливо улыбнулась и перевела взгляд на Альку. — Это хорошо. А вы молодец. И год прекрасно закрыли. И в командировку съездили. И вот невесту нашли. Вам можно только позавидовать.

Двое мужчин почему-то одновременно покрылись румянцем. Илюхин и ничего не понимающий бодибилдер.

Алька тоже замерла. На секунду. Совсем короткую. Она смотрела на Илюхина с застывшей улыбкой. Он втянул живот. Что-то, быстрое как тень, мелькнуло в её глазах. Но она тут же взяла себя в руки.

— Так, — рявкнула она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Руководство где? Кто тут главный? И побыстрее, пожалуйста.

Девушка за стойкой растерялась:

— Я администратор.

— Слушай, администратор, — Алька подошла и положила на стойку удостоверение. — у меня бронь. Петрова. «Центральная Пресса». И вот у этих, — она кивнула в сторону Илюхина и его семьи, — тоже. Почему задержка?

Администратор бледнеет после слова «пресса», неуверенно мямлит:

— Час заезда...

— Я знаю про час заезда. Я же говорю. Центральная пресса. Вы постановлений не читаете что ли? Пресса вне общей очереди. И препятствовать работе Центральной прессе вы не можете. Правов у вас таких нет. А раз я здесь, то уже — работаю. А вы препятствуете. Я могу написать такой текст про ваш отель куда надо, что вы будете заселять всех в шесть утра. Ты этого хочешь?

Администратор сглотнула. Не глядя ни на кого, застучала по клавиатуре.

— Не препятствуем. Да, но...

— Что «но»? Номер готов?

— Готов. Но...

— Тогда заселяй. Их. И меня. Я за них ручаюсь.

Она обернулась. Посмотрела на Илюхина. И чуть заметно улыбнулась. Уголками губ. Злорадно.

Он смотрел на неё. Не мигая. Геля переводила взгляд с мужа на незнакомую женщину и обратно. Дети притихли. Бодибилдер по-прежнему улыбался и ничего не понимал.

Через десять минут администратор выдала ключи. Илюхиным — номер 214. Альке и капитану — 215. Второй этаж. По коридору. Напротив.

— Вот и славно, — проворчала Алька, забирая ключ. — Соседями будем.

Она пошла к лифту. Капитан — за ней. Илюхин смотрел им вслед. Геля тронула его за руку:

— Илюш. Ты чего?

Он не ответил. Только сжал её ладонь. И пошёл к чемоданам.

Номер 214. Дверь напротив — 215. Он стоял на пороге, спиной к жене и детям. Которые уже визжали от восторга, скакали на кровати и выбегали на балкон. Смотрел на закрытую дверь. Молчал.

Где-то за стеной хлопнула пробка от шампанского. И зазвенели стаканы.

Или ему показалось.

Глава 1. ДВА ЗВОНКА

Утро в Тюмени начиналось с гудков. Не с будильника, кофе или птиц — с гудков поездов. Квартира Альки Петровой стояла так близко к вокзалу, что стены иногда вибрировали. Ибо мимо проходил товарняк. Она привыкла. Даже полюбила. Гудок в шесть сорок пять — первый. В семь двадцать — второй. К восьми — россыпь коротких, маневровых. Как симфония. Только вместо скрипок тепловозы, а за дирижёра — машинист. Он, раздолбай, судя по всему, всегда опаздывал на завтрак.

Проснулась в девять. Позже обычного. Вчера был тяжёлый день: три выезда, два труп, один пожар. Вернулась в полночь, выпила бокал коньяка из подарочной бутылки. Ей подарили коллеги из отдела рекламы, закурила на балконе. Смотрела на огни вокзала. Не думала, тупо втыкала от усталости: «Вот, блин». Завалилась спать. И вот — девять. Всем привет, опять ничего не успела.

Огляделась. Бардак. На полу распечатки криминальных сводок. Разные, в том числе перечёркнутые, с пометками «Бред» и «Копать». На столе ноутбук, кружка с остатками кофе из автомата, пепельница-гильза. На подоконнике — пачка «Вирджинии», зажигалка. Два телефона. iPhone 15 — для работы. Nokia 3310 — для «особых» звонков. Этот, второй, знали только три человека. Один из них — Илюха. Второй — её бывший сокурсник, который теперь продавал страховки и иногда звонил поздравить. Не важно с чем. Третий — её новенький, симпатичненький. Подающий надежды.

Она взяла Nokia. На экране — пропущенный. Илюха. Ночью, в час сорок семь. Она не слышала. Спала. Или делала вид. Кто же теперь разберет.

Алька задумалась. Смотрела на телефон. Думала: звонить или подождать? Да пусть сам звонит! Нанималась она, что ли!

Вот только ждать было не в её правилах. Но с Илюхой — особый случай. У них существовал ритуал. Два звонка в неделю. Вторник и пятница. Сегодня — вторник. Он уже звонил. Значит, она звонит первой. Так было заведено. Негласно. Но железно. На том и стояли. Годами.

Набрала номер. Гудок. Второй.

— Алло, — ответил голос хриплый, сонный. — Ты чего в такую рань?

— Девять утра, кабальеро. Рабочий день в разгаре.

— Это у вас. А у меня вообще-то отпуск.

— У тебя? — Алька усмехнулась. — Ты в отпуске только во сне. Или на рыбалке. Что, опять с удочкой сидишь?

— Нет. Дома. Дети в школу собираются.

— А, школа. — Она затынулась. — Как там? Стёпка, Тёпка?

— Растут. Стёпка вчера танк нарисовал. Настоящий. С башней, с гусеницами.

— И что, похож?

— Не особо. Больше на утюг с колёсами. Но он говорит, что это Т-90.

— Ну, Т-90 так Т-90. Ему виднее.

— Тёпка камней притащил полный рюкзак. Говорит — коллекция. Я не спрашивал, зачем.

— Правильно. Не мешай развиваться. Вдруг это метеориты. Радиоактивные.

— Аль, ты чего?

— Шучу. Хотя... Ладно, не пугайся, папаша.

Пауза. Алька слышала, как он там, в Брянске, возится с чайником. Наверное, завтракает. Чай с молоком. Жена запрещает кофе. Сердце.

— А ты как? — спросил он. Раз уж вздохнул.

— Нормально. Вчера труп был. В гаражном кооперативе. Мужик, сорок пять лет, два инфаркта. Жена говорит — работал много. А я думаю — пил много. Но в сводке напишут «сердечная недостаточность».

— Ты злая. И циничная.

— Я реалистка. Разница.

Она встала. Прошла на кухню. Три шага. Квартирка маленькая — однушка. Стены — обои в цветочек, как в той деревне. Диван, стол, шкаф, кровать. Всё. Абзац, трезвым глазом. Но своя. Не съёмная. Купила три года назад. Ипотека. Ещё платить и платить. Но зато — своя. Лапушка.

На кухне — кран тек. Кап-кап. Раздражало. Она уже месяц собиралась вызвать сантехника, но всё никак. Сантехник дядя Коля приходил раз, глянул на кран, на неё, почесал подбородок: «Ну, Петруха, тут всё плохо». И ушёл. Больше не появлялся. Видимо, решил, сама разберётся. Может и к лучшему.

Кофе из автомата за углом. Сварила бы в турке, да лень. Прокрастинация, туды ее в качель. Турка стояла на полке и покрывалась пылью. Автомат в редакции — чудо просто. А дома в основном — растворимый. Или никакой. Сегодня — не поленилась, сходила. Прямо в тапках. А то бы, ложка, кипяток, размешать. Пить, пока не остыл.

— Ты вчера звонил, — сказала она, возвращаясь к дивану. — Я не слышала.

— Знаю. Подумал спишь. Не стал больше будить.

— Что хотел?

— Ничего. Услышать.

Алька замолчала. Вот так всегда. Он умел сказать что-то простое — и попасть. В самое сердечко. Не специально. Просто так думал. И говорил. Падла.

— Ну, услышал, вот, — проворчала она, чтобы не молчать. — Что дальше?

— Дальше? — Он вздохнул. — Дальше — вторник. Ты же по вторникам звонишь.

— Я и позвонила.

— Сегодня вторник?

— Ну да. — Она затушила сигарету. — Слушай, у меня новость.

— Хорошая?

— Не знаю. Скорее, странная. Нас объединяют. Газеты. «Тень» и «Акварель». Спецпроект. «Криминал и искусство в провинции. Возможно ли?». И вопросительный знак в конце. Типа как у них. На чертовом Западе. И демократия кругом.

— В смысле — объединяют?

— В прямом. Совместный проект. Материалы, публикации, подкасты. Я приеду в Брянск. Долгая недовольная тишина. Секунд пять.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Когда?

— В понедельник. Поезд. Вагон СВ. Встречай, сестрицу Аленушку.

— Аль...

— Всё, Илюха. Мне пора. Редактор орёт. Пока.

Она нажала «отбой». Посмотрела на телефон. Улыбнулась. Зло. Или не зло. Непонятно. Вот пусть теперь помучается. Хоть двигаться начнет. Бревно Илюхинское.

Набежало беспокойной рябью мыслей. Ощущений. Лето. Речка. Ей шестнадцать, ему уже семнадцать. Пыхтит. Несёт её на спине через тёмную воду болотца, она боится лягушек. Коленки исцарапаны. Она смеётся ему в затылок, нагло пахнет «Красной Москвой» и болотистой травой. Он говорит: «Ты лёгкая, как пустая пачка "Беломора"». Она шлёпает его по плечу. И ей кажется, что так будет всегда.

И сразу возврат. Алька открыла глаза. За окном гудок товарняка. Затушила сигарету, встала. Душ, крем на рожу. Да, слой потолще. Затем — в редакцию.

Редакция «Тени» занимала старый особняк в центре Тюмени. Трёхэтажное здание с облупившейся краской и лепниной, которую давно пора было реставрировать. Внутри — ремонт из девяностых. Линолеум, крашенные стены, скрипучие двери. Третий этаж. Угловой кабинет. Шесть квадратных метров. Окно во двор, просто мечта! Мусорные баки, ржавый забор, вечно сыро. Зато вид на помойку — как символ профессии. И коты. Четова дюжина котов. Всех мастей и расцветок.

Алька вошла, бросила куртку на спинку кресла, села. Ноги — на стол. Кроссы «Jimmy Choo». Подделка. Но хорошая. Никто не отличал. Во, попутчики.

На столе — хаос. Бумаги, распечатки, чашки. Не мытые. Мусорка полна одноразовых стаканов из-под кофе. Пепельница-гильза. В углу — сейф. Поцарапанный. Под столом. Записка на мониторе, написанная маркером: «Клыков — мудака. Грошев — выручай». Не выцветала. Маркер был перманентный. Как и её отношение к Клыкову. Привет, упырь.

Сертификат «За вклад в свободу слова РФ» висел на одной кнопке. Криво. Вот-вот упадёт. Она не поправляла. Пусть висит. Как напоминание: было. И прошло.

Из коридора донёсся визгливый голос редактора:

— Петрова! Опять куришь?! Закона на тебя нет?!

Алька закурила. Демонстративно. Глубоко. Выпустила дымицу.

— Эт не курю, — крикнула она в ответ. — Дезинфекция. Вы же не хотите, чтобы тут грибок завёлся? Сдохнем все.

— Открой окно!

— Оно не открывается.

— Оно открывается! Ты просто не пробовала!

— Не пробовала. И не буду. Там мусорка. Воняет. И коты орут.

— Петрова, ты меня слышишь?! Исчадьё! Когда ты уже свалишь куда-нибудь!

— Слышу, слышу. Не орите, у меня мигрень.

— Какая мигрень?! Ты вчера в баре тусила! Непонятно с кем.

— Вот именно. Поэтому и мигрень. Че эт, непонятно?! Вот такой размерчик! А вам опять все доложили. Че за город!

Редактор что-то пробурчал. Ушёл. Посмотрела на монитор. Открыла почту. Письмо от редактора «Акварели». Тема: «Спецпроект. Согласование». Она открыла. Прочитала. Ничего интересного. Даты, сроки, условия. Сухо. По-деловому.

Заккрыла почту. Открыла ТГ-канал «ЧС Тюмени». Сто пятьдесят тысяч подписчиков. Комментарии. Маты. Угрозы. Благодарности. Всё как обычно. Она пролистала. Заккрыла.

Достала из ящика стола заветную плоскую бутылочку виски. Глотнула. Прямо из горла. Закурила вторую. Телефон — iPhone — завибрировал. СМС. От Грошева. Ох, заботушка ты мой!

«Петруха. Осторожнее там. Клыков что-то мутит. Не лезь пока никуда».

Она усмехнулась. Набрала ответ:

«Майор, твоя навеки. Я осторожна. Аки птичка в гнезде. А яичко в ...».

Отправила. Положила телефон. Потом — снова взяла. Nokia. Открыла контакты. Илюха. Набрала. Гудок.

— Алло?

— Это опять я.

— Я понял. Что-то случилось?

— Нет. Просто... — Она замолчала. — Я ведь реально приеду. В понедельник. И это... Не деться никуда. Это тебе не про искусство писать, как кашу манную размазывать.

— Я и не обсуждаю. Ладно, Петруха...

— Вот и хорошо.

Пауза.

— Аль.

— Что?

— Я рад.

— О, вот только без соплей.

Сбросила вызов. Просто смотрела на экран. На его имя. Положила Nokia рядом с iPhone. Затушила сигарету. Глянула в окно на мусорные баки. Ржавый забор и серое небо. И рыжего ободранного бойцовского кота. С одним ухом.

И улыбнулась. Почти мечтательно. Кот ее не понял.

Сняла ноги со стола. Накинула куртку. Вышла в коридор. Редактор стоял у автомата с кофе. Смотрел на неё.

— Ты куда намылилась?

— В Брянск. В понедельник.

— Зачем?

— Спецпроект. — Она пожала плечами. — Судьба, наверное.

— Какая судьба? Ты же сама говорила — эти проекты для неудачников.

— Говорила. — Она взяла стакан с кофе. Глотнула. Поморщилась. — Говно какое. Передумала.

— Ну ты, как обычно! Ничего нового.

Она пошла к лестнице. Редактор смотрел ей вслед. Морщился. Потом крикнул:

— Петрова! Ты там осторожнее! Брянск — не Тюмень! Где тебя каждая собака знает. И стороной обходит. Тебя грохнут, а работать кто будет. И чтобы одна нога там, вторая здесь! И без всяких!

Подходящих размеров, прости Господи.

— Меня и там все знают! — ответила она, не оборачиваясь. — Родина моя, малая. Я всегда на стороже. Особенно, когда не хочу. Ок, вернусь девственницей. Успевайте.

Редактор плевался и проворчал уже себе, но она услышала:

— Вот ведь опять за неё получать будем! Свинья лужу найдет!

Алька возмущённо вздернула средний палец вверх. Так, чтобы он не увидел. Но он увидел.

Она вышла на улицу. Солнце. Жара. Пробки на Ленина. Гудки. Машины. Люди. Город жил. Она стояла на крыльце редакции. Курила. Смотрела на всё это. Думала.

Скоро она увидит его. Илюху.

Человека, которого знала двадцать лет. Когда-то любила. Чаще ненавидела. Была привязана к нему отвратительной привязанностью. Клеем зависимости. Не могла забыть. Как и он её. Вот только... Все это она сотворила с его и своей жизнью. И теперь он был давно и счастливо женат. У него росли сыновья. И вообще. Была своя жизнь — без неё. У неё была квартирка, кабинет и редактор. И полная диких и ужасно восхитительных приключений, жизнь. С настоя-

щими бандитами и полицейскими. Она занималась всем тем, чем и мечтала. Вела криминальные хроники и участвовала в расследованиях. Иногда в служебных, а чаще в независимых.

Затушила сигарету, щелчком отправила бычок в урну. Пошла к машине, Тойота С-НР. Белоснежная, с чёрной крышей. Села за руль, завела. Кондиционер — работал как часы. Любила вот эти несколько секунд тишины в предвкушении.

Мимо со свистом прошёл мотоциклист. Звук — и он уже сжался в точку. И нет его.

— Валяй, валяй! Трансформер! — рывкнула Алька в салоне. — Давно селфи с вами не делала. Говнюки мелкие.

Она включила радио. Что-то бодрое — бесящее. Попса. Не важно. Главное — громко. Чтобы не думать, не поминать. Жить сегодняшним днём. Им же и наслаждаться.

Лихо вырулила со стоянки. Охранник шарахнулся и заматерился. Но вписаться не посмел. Ее тут реально знали и не связывались.

Впереди — Брянск и спецпроект. Йо-хо!

Глава 2. БРЯНСК

Брянск просыпался медленно. Здесь в шесть утра — тишина. Только птицы и тополя. Ленивое солнце, выползающее из-за реки и окрашивающее старые дома в розовый и благородно-серый. Как в рекламе какого-нибудь Пенсионного фонда.

Илюхин проснулся не по будильнику. По привычке. Тело само знало: пора. Рядом спала Геля. Дышала ровно, как спят только люди с кристально чистой совестью и идеальным обменом веществ. Илюхин лежал, смотрел перед собой. Думал, что если бы существовал рейтинг жён, то Геля точно была бы в топ-3. Сразу после тех двух, которых никто никогда не видел, потому что их не существует.

Полежал ещё минуту. Встал. Тихо, чтобы не разбудить. Скрипнул коленом. Проклятое скрипело с тридцати, как старая дверь в сарае. Геля вздохнула во сне, перевернулась на другой бок. Илюхин замер. Она не проснулась. Гелин сон был крепок, как и её убеждения.

Кухня. Чайник. Чай с молоком. Жена запрещала кофе — сердце. Он не спорил. Привык. В чае тоже есть танин, но с Гелей не поспоришь. Преподаватель в академии МВД. Полковничья дочь. С ней лучше не конфликтовать. Ни по какому поводу. Илюхин давно это понял. Следовал правилу годами. Каждый день. Как автомат на утренней поверке.

Сел за стол, смотрел в окно. Двор. Детская площадка. Качели. Пусто. Дети ещё спали. Стёпка и Тёпка. Близнецы. Восемь лет. Один рисует танки. Другой коллекционирует камни. Оба — его радость. Ну и шалопаи, конечно. Ещё какие.

Тесть сердится, говорит, Илюхин не авторитет для детей. Ну, тут уж дудки. Он сам знает, как за своими детьми смотреть. Просто тесть думает, что авторитет — это когда на тебя смотрят с ужасом. А Илюхин знал, что авторитет — это когда тебя любят. Настолько, чтобы не заметить, что съел последний кусок торта. Нечаянно.

Допил чай. Пошёл будить детей в школу. Сначала Стёпку. Тот спал, раскинувшись звездой. Одеяло на полу. Подушка на голове. На подушке — след от утюга. Геля вчера гладила, видимо, отвлеклась. Илюхин улыбнулся. Потом Тёпку. Тот спал, свернувшись калачиком. Обнимал рюкзак с камнями. Как плюшевого мишку. Только вместо мишки — геологическая коллекция.

— Пап, ещё пять минут, — бормотал Стёпка, не открывая глаз.

— Вставай, танкист. Школа. Пора.

— Не хочу.

— Я тоже не хотел. Вставай.

— А ты зачем встал.

— Я взрослый. Можно вставать нехотя. Называется — работа.

— Тогда я тоже взрослый. Мне можно не хотеть и не вставать. Это называется — отпуск.

Илюхин опешил. Логика была железная. Гелина, кстати. Ту же она использовала, когда он пытался объяснять, почему нельзя есть мороженое на завтрак.

— Ладно, — уступил он. — Пять минут. Иначе мама придет. И закончится отпуск. Насо-всем.

Стёпка мгновенно сел. Глаза открылись. В них появился настоящий, неподдельный ажиотаж.

— Пять минут — это мало, — сказал он быстро. — Давай десять.

— Семь. Идёт?

— Идёт.

И хлопнулся обратно на подушку.

Тёпку будить было проще. Он просто открыл глаза, посмотрел на Илюху и улыбнулся: «Я уже не спал. Думал». Илюхин не стал уточнять, о чём думает восьмилетний ребёнок в такую рань. Это могло быть что угодно. Проверено. От смысла жизни до «почему у собак нет рук».

Завтрак. Геля уже встала. Стояла у плиты, пекла сырники с изюмом. Запах — божественный. Илюхину дежурный поцелуй в щёку. Всегда делала это так, как операцию по расписанию. Быстро, точно, без лишних эмоций. Но с любовью к объекту.

— Доброе утро, милый. Как ты?

— Нормально, — ответил он. Автоматически.

Дети повскакивали. Сели за стол. Шум, гам, ложки, чашки. Илюхин наблюдал за ними. Улыбался. Это был его мир. Тёплый. Надёжный. Правильный и привычный. Как швейцарские часы. Только вместо шестерёнок — дети, а вместо заводной пружины — Гелин распорядок дня. Очень четкий и полезный распорядок.

— Пап, смотри! — Стёпка подбежал, размахивая листом бумаги. — Я танк нарисовал!

Илюхин посмотрел. На листе было что-то, отдалённо напоминающее уют с гусеницами и башней, из которой торчала труба.

— Класс, — одобрил он. — Настоящий Т-90.

— Да ты что! — возмутился Стёпка. — Это же не Т-90. Это Т-100500. Я сам придумал. Он стреляет лазером и летает.

— А, ну тогда вообще супер.

— А ещё он стреляет слаймом, — добавил Стёпка. — Чтобы враги слипались.

— Тактически грамотно, — кивнул Илюхин. — Одобрено.

Тёпка подошёл. Протянул камень. Серый. С блёстками.

— Гранит. Ему миллион лет.

— Миллион? — Илюхин взял камень. Повертел. — Тяжёлый.

— Это потому что он древний. Почти. Это кусок бетона с стройки. Но я сказал, что гранит. Так интереснее.

Илюхин посмотрел на сына с уважением. В восемь лет — и уже понимает, что правда — это скучно. Генофонд не подвёл.

— Ладно, — согласился он. — Пусть будет гранит. Но в коллекцию записываем как «гранит, найденный на стройке бетонного происхождения». Чтобы потом не было путаницы.

— Хорошо, пап. А ещё у меня есть один камень, которому три миллиона лет.

— Замечательно. А откуда ты знаешь?

— Я спросил у него. Он ответил.

Илюхин решил не развивать эту тему. С детьми лучше не спорить о возрасте и происхождении камней. Это путь в никуда. Или в безумие. Что, в принципе, одно и то же.

Сопроводил детей до школы. Помахал и отправился в редакцию. Формально — отпуск. Но он заехал. На час. Разобрать бумаги. Так он сказал Геле. На самом деле — просто не мог сидеть дома. Не после вчерашнего звонка.

Редакция «Акварели». Историческое здание в центре Брянска. Двухэтажное. Реконструкция, совсем недавно. Все очень достойно. Сохранена историческая ценность, а внутри выдержан современный минимализм, со всеми удобствами. Второй этаж. Кабинет отдела культуры. Просторный. Окна на улицу — старые дома, тополя. Стол Илюхина — аккуратный. Все по линейке. Бумаги в стопках. Изящная чашка. Белоснежная, с тонким вензелем. Семейное фото. Геля, дети. Счастливые. На стене — афиши выставок. Репродукции картин. Пейзажи. Натюрморты. Всё очень достойно.

Включил новый компьютер. Гордился им и прочим, с трудом выбитым по смете, оборудованием. Кто бы знал, как ему это досталось. Не всем выделили. А отделу культуры — вот, пожалуйста.

Пил чай. Писал текст про выставку местного художника. Тот рисовал берёзы. Много берёз. Илюхин смотрел на фотографии картин и думал: «Ну что тут скажешь? Берёзы. Россия. Душа». Писал: «Автор напоминает нам о хрупкости бытия». На самом деле ему было всё равно. Но текст получался хороший. Душевный. Читатели любили такое. Ну, кто читал.

Он отложил ручку. Посмотрел в окно. Тополя. Старые дома. Пыль на подоконнике. И вдруг — как будто плёнку кто-то переключил. Не картинка даже. Запах. Сушёные яблоки. Земляничное мыло. И ещё что-то. Трава после дождя. И речка. Ночная. Он нёс её на спине. Она смеялась в затылок. Боялась лягушек. Всегда.

Он тогда не знал, что «всегда» — это просто слово. Для дураков, шестнадцатилетних. Тряхнул головой. Прогнал. Зачем? На рабочем столе — папка. Под паролем. С надписью: «Для работы». Там лежали статьи. Её статьи. Альки Петровой. Петрухи. Из «Тени». Он архивировал их. Годами. Никто не знал. Это было его. Личное. Больное. Сладкое. Зараза Петруха писала лучше его. Всегда. Он читал и злился. И завидовал. И гордился. Всё сразу.

На верхней полке — книга. Ильф и Петров «12 стульев». Толстая, глянцевая. Подарочное издание в твёрдой обложке. Он не читал её. Некогда было. Но там, между страницами, лежали фотографии. Старые. Чёрно-белые. Алька. Молодая совсем. В майке-алкоголичке. Улыбается. Он до армии еще, она такая же. Счастливые. Или делают вид. Он не помнил. Честно. Не помнил. А вот запах сушеных яблок и почему-то земляничного мыла, помнил. Еще как.

Телефон завибрировал. Он посмотрел. Nokia. Для «особых» звонков. Он взял. Гудок.

— Аллю.

Он вздохнул. Улыбнулся. Она. Прямо с утра. Без «здравствуй» и «как дела». Сразу в бой. Прослушал. Поймал себя, когда уже: «Нас объединяют. Газеты. «Тень» и «Акварель». Спецпроект».

После звонка Илюхин сидел в редакции. И улыбался, как идиот. Отпуск — отпуском, а бумаги сами себя не разберут. Он повторял это про себя. Как мантру. Или оправдание. Перед кем? Перед собой, наверное. Геля не спрашивала. Она вообще ничего не спрашивала. Никогда.

Он смотрел на фотографии берёз. Писал про хрупкость бытия. Думал о другом. О том, что она приедет. В понедельник. И ничего уже не будет как раньше. Хотя, может, и будет. Кто знает. Она будет здесь. В том же городе. В его редакции. Рядом. Он закрыл папку «Для работы». Убрал фотографии обратно в книгу. Допил остывший чай. Посмотрел на часы. Пора домой. К детям. К жизни, которая шла. Независимо от того, приедет Алька или нет.

Домой он ехал медленно. Пробки. Брянск — не деревня. Машины. Перекрёстки. Люди. Он смотрел на них. Думал. О чём? Ни о чём. Просто смотрел. Тупил страшно. Спальный район. Панельная девятиэтажка, этаж четвертый. Двухкомнатная квартира. Чисто, уютно. Геля молодец. Ремонт — «как у людей». Ламинат. Натяжные потолки. Кухня. Тесть помог. Уважаемый человек. Всё как положено. По праздникам пироги. Утром чайник, красивый заварник с японскими картинками. Магниты, детские рисунки на холодильнике. Расписание кружков для всех. Чтобы помнили и выполняли.

Разделся. Помыл руки. Дети уже дома. Стёпка рисовал. Тёпка перебирал камни. Геля — на кухне. Готовила ужин. Пахло борщом. И пирогами. Вот те раз. Вроде и не праздник. С вишней.

Ужин. Все за столом. Дети болтали. Про школу и друзей. Про динозавров. Геля слушала. Улыбалась. Илюхин тоже. Но где-то внутри что-то свербило. С самого утра.

— Ты какой-то варёный, — заметила Геля. Посмотрела на него. Внимательно. Как умела только она. Потрогала ему лоб прохладной ладонью. — Неприятности?

— На работе, — ответил он. Автоматически.

— Что случилось?

— Нет. Всё нормально. Проект какой-то дурацкий. Коллаборация раздела криминалистики и культуры. Бред обычный, современный. Лишь бы волну гнать.

Она не удивилась. Но и не поверила. Он видел. По глазам. Но не настаивала. Никогда не настаивала. Просто смотрела. И молчала. Ждала. Что он сам скажет.

Он не сказал.

После ужина дети пошли спать. Геля — проверять рефераты и ворчать про великовозрастных балбесов. Илюхин — на кухне. Сел. Налил чай. Смотрел в окно. Ночь. Фонари.

Он думал о ней. Об Альке. Приедет. В понедельник. В Брянск, к нему. На спецпроект. Работать вместе, каждый день. Видеть её. Слышать. Смотреть.

Он не хотел. И хотел. Одновременно. Это было неправильно. Знал, но ничего не мог с собой поделать. Он достал Nokia. Посмотрел на экран. Пропущенных не было. Она не звонила. Больше. Положил телефон. Взял чашку. Чай остыл. Опять.

Геля вошла. Тихо. Посмотрела на него.

— Сереж.

— М?

— Петруха приедет?

Илюхин поперхнулся чаем. Кашлянул. Таращился на жену в недоумении.

— Откуда ты...

— Ты вчера бормотал вчера. Во сне. — Геля села напротив.

Илюхин почувствовал, как краснеет. Как школьник.

— Гель, это просто... Мы работаем вместе. Проект.

— Я знаю. — Она улыбнулась. Тёплой, спокойной улыбкой. От которой становилось не по себе. — Я не против. Ты будь осторожен.

— В чём?

— В себе. У тебя сердце. Есть. — Она встала. — Пойдём спать. Поздно.

Поцеловала его в макушку. Нежно. И ушла.

Илюхин сидел. Смотрел в окно. Чай остыл окончательно.

Он закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул. Завтра — новый день. Работа. Дети. Он справится. Всегда справлялся. И задремал. Прямо на кухне. Над чашкой.

Привиделось.

Стояли оба-два дурака и улыбались. 18 лет. Он в костюме с выпускного. Пиджак висел, как на вешалке. Она в белом платье из занавески, с садовым букетиком «жёлтых шаров». Он — перед армией, она — с вызовом в институт. Но не поехала. Свадьба в сельском клубе. Пьяненькая бабка Альки кричала: «Ты с ней с голоду подохнешь, Илюха! Вы же нищие, оба! Она же только писульки свои писать». Родители Илюхина молча плакали. Мама иногда всхлипывала: «Угробит она его, угробит!».

А им было все нипочем. Его так переключило жёстко. До всех этих колец, туземных танцев, где два наших корабля отправляются... Схватил Альку за тонкие пальцы. И при всех прямо выдохнул в её узкое злое лицо: «Договор. По гроб жизни — вместе. Люблю тебя, заразу!».

А она не растерялась, на то и Петруха. Была. Дерзко вскинулась к нему и проорала в ответ: «Брак по договору! До смерти!». И такой ему влепила поцелуй, что лучше и не вспоминать. Как бы чего не вышло.

Мама сразу охнула: «Ведьма!». Алькина бабка зашептала: «Думала, он у вас малахольный, а он у вас дурковатый, чокнутый!».

И все завертелось, понеслось... Муж и жена, совершеннолетние, имеют право. И одуряющая смесь земляничного мыла, сушеных яблок и «Красной Москвы» опрокинула его тогда дня на два. Не вылезали из койки. Никогда больше в его жизни такого не случилось.

Илюхин даже подскочил на стуле. Так сердце забилося. Проснулся. Кухня. Ночь. Чай холодный. Геля спит уже. Тихо в доме.

Уснул только под утро. Когда небо начало светлеть.

Тополя за окном шумели, шумели.

В тревоге.

Илюха, старый чёрт.

Глава 3. СБОРЫ

В субботу в Тюмень пришла жара. Плюс тридцать два, и это только утром. Асфальт плавился. Кондиционеры в офисах работали на износ, но не справлялись. Город к девяти утра уже напоминал раскалённую сковородку, с которой забыли снять крышку. Люди прятались в торговых центрах, кинотеатрах. В подъездах, где пахло сыростью и кошками. Улицы казались вымершими — до вечера, когда жара спадала и народ выползал на набережную. Тура блестела на солнце, мосты гудели от машин, пробки на Ленина стояли намертво. Алька ненавидела лето. Особенно такое. Сибирское. Когда не спасает даже тень. Кондиционер в машине работал как часы, но всё равно не спасал от ощущения, что ты — в духовке. Медленно запекаешься. И ничего с этим не сделаешь. А ещё тебя со всех сторон атаковали комары и мошка. Пробравшаяся с Севера. Твари.

Алька задумчиво сидела на полу. Перед ней — чемодан. Открытый. Пустой. Она смотрела на него, как на врага. Ненавидела собирать вещи. Всегда. С самого детства. Бабка пихала в сумку что попало — носки, банки. Старые кофты, которые пахли нафталином. Алька потом всё выкидывала. И собирала сама. По-своему. Минимум. Но с умом. Бабка ругалась. Говорила: «Ты как ненормальная. Ничего с собой не берёшь». Алька не спорила. Просто молчала. И делала по-своему. С тех пор прошло достаточно лет, а привычка осталась. Собираться быстро. Брать только необходимое. Не привязываться к вещам. И к людям — тоже. Хотя с людьми это не всегда работало.

Открыла шкаф. Джинсы. Две пары. Синие. Протёртые на коленях. Она любила их. Носила годами. Не выбрасывала. Футболки. Три. Чёрная. Серая. Белая. Рубашка. Одна. На всякий случай. Вдруг придётся идти в редакцию. Или на встречу. Или ещё куда. Куртка кожаная. Потёртая. В пятнах от кофе и пепла. Любимая. Подарок. От кого — не важно. Куртка была старая, но удобная. Вторая кожа.

Нижнее бельё. Носки. Кроссовки. Косметичка. Помада MAC «Diva». Тональный. Тушь. Карандаш для глаз. Всё как надо. Она не красилась давно. Но возила с собой. Привычка. Ещё с тех времён, когда работала официанткой. В Брянске. До Тюмени. Помада «Diva» — была её бронёй. Красная. Яркая. Как «пошло всё к чёрту». И «я ещё здесь».

Потом — ванная. Шампунь. Зубная щётка. Паста. Таблетки. От головы и сердца. Она почти не болела. Но возила. Возраст. Уже не колокольчик. Как сказала однажды Света: «Наш возраст -- это когда ты уже не можешь пить, как в двадцать. Но ещё не можешь бросить, как в шестьдесят». Алька тогда смеялась. Сейчас — нет.

Кухня. Кофе. Растворимый. В дорогу. Коньяк. Зажигалка. Две. Одна сломается. Проверено. «Вирджиния». Блок. Может, два. Она курила много. Знала. Но не бросала. Не хотела. Или не могла. Одно из двух. А может, и то, и другое. Как всё, что она делала — наполовину хотела, наполовину не могла. Или наоборот.

Вернулась в комнату. Села на пол. Рядом с чемоданом. Разложила. Как пазл. Джинсы — вниз. Футболки — сверху. Куртка — отдельно. Не помнётся. Косметичка — в боковой карман. Коньяк — в середину. Между футболками. Чтобы не разбился. Если разобьётся — пропахнет всё. Она знала. По опыту. Однажды разбила. В поезде. До Тюмени. Весь вагон потом пропах. Коньяком. И ещё она три дня ходила, как алкоголичка, хотя не пила. Неловко вышло.

Телефон — iPhone — завибрировал. Светка. Подруга и судмедэксперт. Циничная, как Алька. Может, даже хуже. Они познакомились лет пять назад. На месте преступления. Алька приехала за материалом. Света — за телом. Разговорились. Подружились. С тех пор — вме-

сте. По жизни. По барам. Света была единственным человеком, которому Алька могла сказать правду. Всю. Или почти всю. Потому что Света всё равно видела всё насквозь. Это её работа. Видеть то, что другие не хотят. И говорить об этом. Спокойно. Без соплей. Как о погоде или вскрытии.

— Собралась? — хриплый Светкин голос, как всегда.

— Собираюсь.

— Когда поезд?

— В понедельник. В шесть вечера.

— СВ?

— А ты как думала? Я что, в плацкарте поеду? С детьми? С бабками?

— Ну, ты же у нас журналистка. Могла бы и в плацкарте. Для материала.

— Для материала я и в морг пойду. А в Брянск я еду. По-человечески.

Света засмеялась. Хрипло. Она всегда смеялась, как будто кашляла. Курила тоже много. Голос сел. Не восстановился. Алька иногда думала: «Мы с ней как две старые курильщицы. Только она — в морге, а я — в редакции. И обе не знаем, что делать с жизнью». Но вслух не произносила. Зачем? Светка и так знала. Много чего.

— А он знает?

— Знает.

— И как?

— Адекватно. Я думаю.

— Ты думаешь? Аль. Ты его знаешь, как облупленного.

— Свет. Не начинай.

— Я не начинаю. — Света вздохнула. — Ты уверена, что хочешь туда ехать?

— Уверена.

— Врёшь.

— Вру. Маленько.

Обе замолчали. Алька смотрела на чемодан. Вот такая у неё жизнь, которая помещалась в один чемодан. И в одну бутылку коньяка. В одно кольцо, которое лежало в ящике. Много долгих лет. И ее все устраивало. И даже очень.

— Ладно, — снизошла Светка. — Позвони, когда приедешь. Если что — я подскачу. В Брянск. Инструменты возьму.

— Инструменты?

— Для него. Ну там по мелочи. Скальпель, зажимы, пилу по кости.

Алька засмеялась. Подруженица в своем репертуаре.

— Дорогая, он то в чем виноват. Безвинно пострадавший! Буквально жертва. Меня и обстоятельств.

— Знаю. Но я же должна тебя поддержать.

— Поддержи. Скажи, что я дура чокнутая. И всё из-за меня.

— Ты дура. Но это же не повод. Мне всё равно, кто он и где он. Я-то тебя люблю.

— И я тебя.

-- А где наш новенький, блестященький молоденький капитанчик? Почему не слышу продолжений?

-- Ой, не выдумывай, пока не до него.

-- Но он очарован?

-- Естественно!

-- Ну тогда и ок! Давай, держись. Сестрица, твою медь, Аленушка. Пиши мне. Мелким почерком.

-- Иес, мэ. До новых, матушка, встреч. Буквально, в эфире.

Гудки. Алька положила телефон. Закрыла чемодан. Молния — вжжжик. Не закрывается. Она надавила. Не закрывается. Села на чемодан. Своим поднабравшимся попесом. Всем весом души. Не закрывается. Встала. Пнула. Потом прыгнула на чемодан. Не закрывается. Ох, ты! Каша, мед, говно и пчелы.

— Блядь! — рявкнула она чемодану. — Ты что, живой? А хочешь, об этом поговорить?!

Она открыла чемодан снова. Начала перекладывать. Вынула куртку. Сложила по-другому. Положила обратно. Закрыла. Нет. Никаких — вжжжик.

— Да ты издеваешься, — прошипела Алька. И так завращала глазами, что сама испугалась.

Снова позвонила Светке.

— Ну че ты думаешь, у меня чемодан не закрывается.

— И?

— Что мне делать?

— Сядь на него.

— Уже. Прыгала даже.

— Тогда вызови экзорциста.

— Свет, серьёзно.

— Аль, это чемодан. Он не закрывается потому, что ты набрала слишком много хлама.

Выложи что-нибудь.

— Что?

— Ну, не знаю. Коньяк, например.

— Не выложу.

— Тогда куртку.

— Куртку тоже не выложу.

— Тогда что ты будешь делать?

— Не знаю. Может, молнией придушу.

— Аль, ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Ладно. Вызови сантехника. Пусть посмотрит.

— Господи! Куда он посмотрит?! Причём тут сантехник?

— Ну, не знаю. Может, он что-нибудь сообразит. У них руки золотые. Обычно.

-- Не в этом случае!

Алька хмыкнула. Положила телефон. Посмотрела на чемодан. Тот с готовностью смотрел на неё. Вызывающе. И молча.

— Ладно, — буркнула она. — Ты победил. Справился с хрупкой, нежной девочкой из сказки.

Скрутила куртку в рулон. Сунула в угол. Ладно, в руках унесет. Закрыла чемодан. Аллилуйя.

— Гляди, че делается, — погрозила она чемодану. — Раздел женщину, извращуга.

Прошлепала на кухню. Открыла холодильник. Пусто. Ну, почти. Йогурт. Яйца. Два. Сыр. Отлично, чтобы взять с собой. Она взяла йогурт. Представила. Явно кислый.

— Ну и ладно, — фыркнула она йогурту. — Всё равно в дорогу. И плевать.

Устала. Морально. Это когда ты не можешь больше думать. Ни о чём и ни о ком. Особенно о себе. Просто лежишь. И ждёшь. Чего? Неизвестно.

Люди меняются. Она — изменилась. Он — изменился. А может, и нет. Может, всё тот же. Илюха-Бревно. Говорит медленно. И думает не быстро. Любит. Или уже не любит. Или уже не

её. Да плевать на всё. Кто ей нужен, сейчас? Никто. Будет смотреть на нее своими коровьими глазами и пыхтеть. Больно надо.

Телефон зазвонил. Глянула. Майор Грошев. Вечный дружок.

— У аппарата.

— Петруха, а ты дома?

— Дома. А чего?

— Слушай. — Голос напряжённый, почти сердитый. — Ты в Брянск едешь?

— Еду. А чо такого?

— Не. Не езд. Плюнь.

Алька села на диван. Подобралась. Замерло все, как перед прыжком.

— В смысле? Ты что там, белены объелся?

— Не гони гусей. Клыков мутит что-то. — Грошев замолчал. Алька слышала, как он дышит. Тяжело. Как будто бежал или волновался. Очень. — Может, и глупости, я не знаю. Только он узнал про проект. И самое главное, тема там такая. Интересная. Да ты ещё едешь. Он вчера был у Алтынова. О чём-то говорили. Долго. Я не слышал. Но видел. Он выходил злой. Зыркал так, что стены горели. Не нравится ему твоя активность. В этом конкретном вопросе.

— И что?

— Не знаю. Но тогда и мне это не нравится. Он злопамятный. Про корпоратив не забыл.

Алька, прищурившись, задумалась. Корпоратив она помнила очень хорошо. Вот только при чём тут замена исторических ценностей Брянского музея на копии? И совместная работа по расследованию инцидента Брянскими и Тюменскими журналистами. Издательств «Акварель» и «Тень». Возможно, рынок оборота таких ценностей был общим. Или мало ли чего. Зачем-то всё это начальство же придумало. И теперь вот доверенный человек предупреждал Альку, что не стоит рисковать.

— Грошев, окстись. Я двадцать лет в криминальной журналистике. Меня ли не пугали. А я всё ещё жива.

— Угу. Пока жива.

— Пока. — Она затянулась. — Слушай, я поеду. Мне надо. Серьёзно.

— Тебе надо? Или тебе хочется?

Попал. Прямо в точку. Грошев был умный. Для мента. Поэтому его и недолюбили. Все. Кроме Альки. Она и сама была такая.

— И то, и другое, — ответила она честно. — Грошев, я не могу не поехать. Понимаешь?

— Понимаю. — Вздыхнул. И опечалился. — Ладно. Но будь осторожна. Если что — звони. В любое время.

— Помню. Спасибо.

— Не благодари. Просто не сдохни.

Она отложила телефон. Да они что, сговорились! Ей прямо делать было нечего, как им всем звонить и писать. Вот прямо будет она день-ночь сидеть и набирать всех. Пока пальцы не отпадут. А работать тогда когда? Открыла ящик стола. Достала коробочку. Маленькую, бархатную. Кольцо. Простое. Обручальное. Тонкое. Давно лежит. Она не носила, но и не выбрасывала. Пусть.

Взяла его. Покрутила в пальцах. Вспомнила. Зачем-то положила кольцо в карман джинсов. Зачем? Не знала. Пусть будет.

Понедельник. Тюмень. Вечер.

Она приехала за час. Не любила опаздывать. Таксист попался разговорчивый. Рассказывал про пробки и жару. Про то, что в Крыму сейчас хорошо. Она кивала. Не слушала. Смот-

рела в окно. Город. Улицы. Люди. Всё чужое. Всё временное. Всё — не её. Или — уже не её. Или — никогда не было её. Она не знала. Просто смотрела. Молчала и качала головой.

— Вы куда? — спросил таксист.

— В Брянск.

— Надолго?

— Не знаю.

— Понятно. — Он помолчал. — Там красиво. Я как-то летом был. Неплохой городок.

— Ага.

— Река Десна. Класная.

— Угу.

— Вы там были раньше?

— Да.

— Понятно.

Он замолчал. Алька внутренне перекрестилась.

Вокзал. Платформа.

Люди, чемоданы, дети, собаки. Провожающие. Целующиеся и плачущие. Она стояла одна. С чемоданом. Смотрела на поезд. Новосибирск – Москва. Через Тюмень. Время в пути до Москвы — около тридцати с лишним часов. Потом с Киевского вокзала Москвы поездом № 737А в Брянск еще часов пять. Наездишься так-то. Ну, хоть выспитесь. Может быть. А может быть и нет.

Она ехала разбираться, что там происходило с этим музеем, ценностями и культурой Брянска. Без неё. Без Альки. И заодно хотела посмотреть, что там осталось от той старой жизни, которую она помнила урывками. В основном через звонки с Илюхиным дважды в неделю.

Нашла свой вагон. Проводница — женщина лет пятидесяти. Усталая. С химией на голове. Проверила билет, кивнула. Алька вошла. Посмотрела в окно. Перрон. Люди. Суета. Прощания.

Она уснула, когда небо начало светлеть. А стук колёс выровнялся.

Почти как пульс.

Глава 4. ВСТРЕЧА

Утро в Брянске началось с дождя. Мелкого, противного, как из пульверизатора. Небо затянуло серым. Тополя мокли. Асфальт блестел. Лето решило взять выходной.

Илюхин пришёл на работу раньше всех. В семь тридцать. Редакция «Акварели» пустовала. Только вахтёрша тётя Зина дремала на посту. Он поднялся на второй этаж. Открыл кабинет. Включил свет. Посмотрел на часы. Семь тридцать пять. Она приедет в десять. Или в одиннадцать. Или хрен знает когда. Он не знал. Она не сказала. Только: «В понедельник. Встречай, Бревно. Сестрицу Аленушку». А потом — гудки. Мелкая негодяйка. Да что же у него так руки-то трясутся. Да неправильно это.

Брянск. Тихий. Провинциальный. Надёжный. Его город. Он здесь родился. Жил. Здесь состарится. Наверное. Налил чай с молоком. Жена запрещала кофе. Сердце. Привык. Смотрел в окно. Дождь. Тополя. Старые дома.

Стол. Бумаги. Чашка. Семейное фото. Он смотрел на фото. Потом перевернул. Лицом вниз. Зачем? Не знал. Просто. Чтобы не смотреть и не думать.

Девять утра. Пришли коллеги. Кто-то с зонтом и мокрый. Кто-то с кофе. Обычный день редакции. Все здоровались. Уважали, знал это. Кивал. Улыбался. Делал вид, что всё нормально. Что он — обычный. И ничего не происходит.

В десять — звонок. С мобильного. Незнакомый номер. Он взял.

— Алло.

— Алле, гараж. Илюх. Это я. Я на вокзале. Такси вызвать не могу. Приложение глючит. Встречай.

— Ты уже здесь?

— А ты как думал? Поезд пришёл. Я стою. С чемоданом. Под дождём. Как дура.

— Сейчас. Сейчас приеду.

— Давай быстрее. Я тут не одна. Тут ещё таксисты. Смотрят. Как на экспонат. Людоеды.

Он положил трубку. Взял куртку. И заметался. Зонт. Ключи. Кинулся к выходу. Редактор — мужчина лет шестидесяти, седой, в очках — выглянул из кабинета.

— Сергей, вы куда? Что там по проекту? Когда из Тюмени специалист приезжает?

— Так вот. Еду встречать.

— Кого?

— Журналистку. Из Тюмени. По спецпроекту.

— А, эту. Петрову. Ну давай. В одиннадцать — планёрка.

— Успею.

Выбежал под дождь, к машине. Завёл. Дворники заскрипели. Он поехал. Медленно. Осторожно. Брянск. Улицы. Светофоры. Лужи. Люди. Он ехал. Думал. О ней, встрече. О том, что скажет. Как посмотрит. Предполагал, что почувствует.

Вокзал. Брянск-Орловский.

Площадь. Старое здание с колоннами. Такси. Люди. Он припарковался. Вышел. Пошёл к перрону. Сердце стучало как поезд. Ту-дух. Ту-дух.

Увидел её издалека. Стояла у выхода. С чемоданом. Куртка кожаная блестела от воды. Каре бирюзовое прядками. Сигарета в зубах. Зыркала по сторонам. Искала. Его. Или выход. Непонятно.

Увидела. Замерла. Сигарета выпала. Он остановился в двух метрах. Смотрел. И она смотрела. Как два памятника.

— Здорово, Бревно, — хихикнула она. Голос хриплый то ли от волнения, то ли от дождя.

— Здравствуй, Петруха, — промямлил он. Вот теперь она его узнала окончательно. Понял по наглой ухмылке.

Пауза.

Секунд пять. Может, десять. Она смотрела на него. Он — на неё. Она почти не изменилась. Может, чуть прибавилось морщин. Но глаза — все те же. Быстрые. Злые. Он считал, что в хорошей форме. Но знал, что сдал немного. Живот. Залысины. Но глаза — те же. Узнаваемые. Все говорили.

— Ну что, — поинтересовалась она ехидненько. — Стоим? Здесь и жить будем?

Он что-то промычал невнятно. Она закатила глаза. И в этом тоже была она вся. Петруха, какая есть.

— Отомри уже. Помоги чемодан.

Он схватил чемодан. Тяжёлый. Она всегда возила с собой много. Даже когда не надо. Понёс, раздвигая перед ней толпу плечом. Как раньше. Она пошла за ним. Молча. Как будто они были здесь одни. Не замечая вокруг никого. Наглая.

— Машина далеко?

— Близко. Минуту.

— Хорошо. А то я промокла. Как собака. Породистая собака, заметьте.

— Ты без зонта?

— Ах, оставь! Какие-то зонты. Думала — лето. Жара. Почти Крым. А тут — дождь. Питер какой-то.

— Это Брянск, Петруха.

— Не напоминай, Илюхинский. Шучу.

Они дошли до машины. Он открыл багажник. Положил чемодан. Она села вперёд. Он — за руль. Завёл. Дворники. Скрип. Дождь. Он поехал.

— Машина у тебя — старая, — недовольно осмотрелась она. — Мог бы уже и позволить себе получше. При твоей-то культурной жизни. И жутко степенной внешности. Прямо денди какой-то. Чутко погонять на тренажорах и прям ничего. Будешь.

— Ездит. Мне хватает. Пока.

— Угу. Я вижу. Классика.

— Не жалуюсь.

— А я на «Тойоте». С-HR. Белая. С чёрной крышей. Красивая.

— Ну, ты всегда была особенной дамой. С наворотами.

— Ну, да. Ну, да. Ты не спросил, как я доехала.

— А как ты доехала? С приключениями?

— Нормально. СВ. Кондиционер. Всю дорогу спала. Снились кошмары. Ты. В свадебном платье. Смешно.

Он рассмеялся. Легко. Именно свадебного платья ему сейчас и не хватало. Смотрел на дорогу. Она смотрела в окно. Улицы. Дома. Люди.

— Ты изменился, — в пустоту сказала она.

— Постарел?

— Не. Стал... спокойнее. Как будто тебе всё равно.

— А мне не всё равно?

Пожала плечами. Не глядя. Закурила в машине. Он не возразил. Раньше — возражал. Теперь — нет.

— Ты куришь в машине.

— Всегда курила.
— Я помню. Просто... думал, бросила.
— С чего бы это. И не брошу.
Дым в окно. Он молчал. Ехал.

Редакция. Старое здание. Он припарковался. Заглушил. Посмотрел на неё. Она смотрела на здание.

— Это и есть «Акварель»?
— Да.
— Сарай.
— Ох, Петруха. Прямо можно подумать! Не сарай. Нормальная редакция.
— Сарай. У нас в Тюмени — и то лучше. Хотя тоже — не дворец.

Хлопнула дверь. Он взял чемодан. Пошёл за ней. Зонт. Она шла быстро. Он — медленно. Контраст. Вошли. Вахтёрша тётя Зина проснулась. Посмотрела на Альку и ее бирюзовые волосы. На куртку и сигарету. Ахнула.

— Илюхин. Это кто такая?
— Журналистка. Из Тюмени. По проекту.
— Ох. Ну и вид.

Алька не обратила внимания. Пошла на второй этаж. Илюхин — за ней. С чемоданом. Тяжело. Она шла. Стучала каблуками. Кроссовки с плоской подошвой. Но она умудрялась стучать. Громко. На весь коридор. В наглую привлекала внимание.

Второй этаж. Кабинет. Он открыл дверь. Пропустил её. Она вошла, огляделась. Стол. Бумаги. Чашка. Фото — перевёрнутое. На стене — афиши. Репродукции. Берёзы. Много берёз.

— Охренеть. Твой кабинет? Что же ты так обберезовелся-то? Чего, поди про тонкую душу царапаешь? Как курица – лапой?! Бревно, ты не меняешься. Это ж надо так. В наше-то нелегкое время.

— Кабинет мой. Тормози, Петруха. Притормаживай на поворотах. И, добро пожаловать! Сейчас на планерку пойдем. ЦУ получать.

— Угу. Ну я и говорю. Уютненько тут у вас. По-домашнему. Коврик бы ещё. Подушечку. И кота.

— Кота нет.
— Вижу. — Она села на стул. Напротив. Положила ногу на ногу. Закурила. — Ну. Рассказывай.

— Что рассказывать?
— Как живёшь. Как семья. Как дети.
— Нормально.
— Нормально? Это всё?
— Правда — нормально. Жена. Дети. Работа. Дача. Рыбалка. Всё как у людей.
— У людей. — Она усмехнулась. — Ты стал как все. Илюха-Бревно.
— Может, и стал.
— Прикинь, а я — другая. Не как все.
— Вижу. Не удивлен. Все так и бегаешь? Между умными и красивыми? Не можешь выбрать?

Кто в фаворитах, бандиты или полиция?

— И что? Осуждаешь?

— Нет. Ну что ты. Ты же звезда. Тебе положено.

— Врёшь.

— Не вру. Просто... ты выбрала свой путь. Я — свой. Вот и всё.

— Вот и всё, — повторила она. — Просто. Удобно. Ладно. Где там у вас эта долбанная планерка. Сейчас, я так понимаю, нам сообщат. Что мы должны все рассказать и показать.

Пауза. Дым. Дождь. Он смотрел на неё. Она — на него. В одном кабинете. Два незнакомца. Которые знали друг друга лучше, чем кто-либо.

В коридоре — шаги. Редактор. Вошёл, увидел Альку. Улыбался в тридцать два фарфоровых дорогах зуба.

— Здравствуйте. Вы — Петрова?

— Она самая.

— Наслышан. Наслышан. Ваши материалы читал. Жёстко пишете.

— Как умею.

— Это хорошо. Правда. Нам нужны такие. — Он сел. — Ну что. Планёрка через десять минут. Обсудим проект. Познакомитесь с коллективом.

— Отлично. — Алька затушила сигарету. — Пойдём.

Планёрка. Просторная комната переговоров.

Коллеги. Пять человек. Все смотрят на неё. Кто с интересом. Кто с опаской и неприязнью. Она — яркая. Бирюзовая. Кожаная. С сигаретой. Они — люди.

Редактор представил. «Алина Петрова. Тюмень. Криминальная журналистика. Спецпроект». Она кивнула. Не улыбнулась. Села, нога на ногу. Кто-то задал вопрос: «Вы будете учить нас работать? По-новому?» Петруха отмахнулась: «Да щас. Я не ваш опекун».

Редактор миролюбиво начал. Про проект, цели и задачи. Про то, что надо объединить криминал и искусство. Все слушали. Потом — обсуждение.

— У меня вопрос, — влезла Алька. — Кто отвечает за сбор материала?

— Илюхин, — ответил редактор. — Он у нас по культуре. Вы — по криминалу. Вместе — сила. Так, сограждане?

— Вместе? — Она дерзко глянула на Илюхина. — С ним? Он же медленный. Как трактор. Пока он соберёт — криминал закончится.

Коллеги замерли. Илюхин вздохнул, но глаз не опустил. И даже улыбнулся. Ну все. Разогнался паровоз. Сейчас тут будет цирк с конями.

— Ну что вы. Алина Петрова. Я не медленный. Я обстоятельный.

— Обстоятельный. — Она усмехнулась. — Ну, ну. Я не возражаю, вам виднее. Как руководителю проекта. Спрос-то ведь с вас будет. Правильно я понимаю?

Ох, как это не понравилось редактору. Илюхин видел, как у того даже желваки заходили. Коллеги сидели тихо-тихо. Кое-кто даже рот забыл закрыть. Ну все, Петруха. Не жить тебе здесь спокойно. Да собственно, ты и не собиралась.

Пауза. Все смотрели. Редактор — с интересом и опасным показным спокойствием. Коллеги в шоке. Она — с вызовом.

— Вот видите, -- обратился редактор к замершей команде. — Что значит свежая кровь. Давайте, давайте Петрова. Разожгите огонь в наших погасших сердцах. Чтобы ух!

-- Можете не сомневаться, уважаемый. — показала зубки в вежливой улыбке Петруха-хамка. — Со мной не заскучаете. И вопросы мы все порешаем. Особенно те, что до сих пор были тайными.

У кого-то из команды с грохотом на пол упал телефон. Но никто даже не пошевелился. Не смели-с.

— Тогда давай работать. Без прошлого и будущего. Только настоящее. И чтобы—ух! Глаза горели!

— Давайте. О`кей. О`кей-юшки! — эта дрянь еще и издевалась. Нарочно. Честно глядя редактору прямо в глаза.

Редактор кашлянул.

— Ну. Вернёмся к делу. Петрова, у вас есть идеи?

— Есть. Криминал в провинции — это не только убийства. Кражи, замена подлинников копиями, интересная практика. Которая длилась ведь много времени, не один год. Это — искусство выживания в осложнённых условиях. Я хочу показать, как люди выживают. Как воруют. В том числе в музее. И как искусство — спасает. Иногда буквально, своей стоимостью.

— Интересно. Илюхин, что скажешь?

— Согласен. Но надо аккуратно. Не всё можно показать.

— Можно, — отрезала Алька, нахмурившись. — Всё можно. Было бы желание.

— Желание-то есть.

— Это главное. Остальное -- посмотрим. Как пойдет.

Планёрка закончилась. Все вышли. Алька — первая. Илюхин — последний. Редактор задержал его.

— Илюхин. А ты ее откуда знаешь? Она что, твоя бывшая?

— Да. Первая жена. Это было очень давно. Очень. И практически неправда.

— Я так и понял. По глазам. Ну, она тебя до сих пор... не отпустила?

— Все в порядке. Личных мотивов здесь нет, от слова совсем. Все давно разрешилось. Самым благополучным для обоих образом.

— Хорошо. — Редактор вздохнул. — Смотри. Работа — это работа. Личное — отдельно. Понял?

— Понял.

— Иди. Работайте.

Сергей вышел. Алька стояла у окна. Курила. Смотрела на дождь. Он подошёл. Встал рядом.

— Редактор тебя отчитал?

— Нет. Просто напомнил.

— О чём?

— О том, что работа — отдельно. Личное — отдельно.

— Правильно. Так и надо.

— Ты так думаешь?

— Я так живу, дорогой. Всегда.

Она затушила сигарету. Посмотрела на него. Внимательно. Искала что-то. В нём.

— Илюх.

— Мм?

— Я рада, что приехала. Тема интересная. Можно такую конфетку сделать, закачаешься. Остренько, современненько. Так что, будем работать много и с выкладкой. Я готова. А ты?

— Я тоже.

— Врёшь.

— Нет. Не вру.

Он проводил ее в местную гостиницу. Среднего класса. Чисто, аккуратно. Безопасно. И почему-то долго не мог сойти с крыльца отеля. Так и стоял. Воспоминания накатывали и отступали. Как волны морские. Накатывали и отступали.

— **1999.** Он в части под Воронежем, она беременна — но пишет: «*Не приезжай, разберусь*». Разобралась. Он не спросил подробностей, она не просила жалости.

— **2001.** Он вернулся — Алька уже с бизнесменом (торговал запчастями), уехала в Тюмень, оставила записку: «*Слишком правильный. Для меня*».

Он долго не мог успокоиться. Все бродил от стены к стене в той коморке, что они снимали. Под крики родителей: «Мы тебе говорили». Все ему говорили. Совершенно все.

— **2003.** Её первый развод. Она звонила ему по ночам: *«Ты знал, что у этого в Тюмени ещё три таких же Альки?»* Он молчал. Она бросала трубку. Потом не выдержал. Сказал: *«Приезжай»*. Не приехала.

Спецпроект. Она. Завтра. Снова. Он справится. Всегда справлялся.
Ничего нового.

Глава 5. СОВМЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Квартира, которую Алька сняла в Брянске, находилась на втором этаже старого дома на улице Горького. Дом был дореволюционный, с толстыми стенами и высокими потолками. Квартира — однокомнатная, с мебелью из прошлого века. Бабушкин сервант с резными дверцами. Диван с валиками. Ковёр на стене. Настоящий. Шерстяной. С оленями. Алька увидела и поржала. Оригинальный здесь райончик.

Хозяйка квартиры — женщина лет семидесяти, Валентина Петровна — сдала ей жильё за приличную сумму в месяц. Плюс коммуналка. Дорого для Брянска. Но Алька не торговалась. Ей было всё равно. Деньги были. В гостинице ей не понравилось. Хозяйка удивилась. Но взяла.

— Только не курите тут, — просила вкрадчиво Валентина Петровна. — И не пейте. И не приводите никого.

— Не буду, — честно соврала Алька.

Она курила. Каждый день. На балконе. В форточку. В комнате. Когда хозяйка ушла, Алька закурила прямо на диване. Пепел летел на ковёр с оленями. Она не замечала. Или делала вид.

Работа началась на следующий день после планёрки. Илюхин прислал ей на почту длинный список тем. С нудными комментариями. «Это можно. Тут нельзя. Здесь опасно. О, скучно». Алька прочитала. Разозлилась. Написала ответ. Короткий. «Ты не редактор мне. Я сама знаю, что можно». Отправила. Через минуту — звонок. Она взяла.

— Ты чего трубку не берёшь? — сердился он.

— Я беру. А, ты звонил на рабочий. Я думала — на «Нокию» будешь.

— Я на «Нокию» и звоню. Ты просто не слышишь. Телефон поди в сумке. Растяпа.

— А. Ну да. Сумка. Подумаешь, сам нудятина. Бревно.

Пауза. Она слышала, как он пыхтит. Поди еще весь красный. Ничего нового.

— Аль. Не дуйся. Я не хотел тебя обидеть. Список — это просто список. Ты можешь его не использовать.

— Я и не буду. Даже и не собиралась.

— Хорошо.

— Но ты его зря прислал.

— Да знаю я.

— Тогда зачем?

— Затем, что мы работаем вместе. Я должен был. Выполнять распоряжение шефа.

— Должен. — Она усмехнулась. — Ты всегда был должен. Всю жизнь. Должен. Должен. Не устал еще?

— Не начинай.

— Я не начинаю. Просто, обрисовываю обстановку.

— Хорошо. Давай работать. Что ты хочешь взять?

Она хотела взять всё. Криминал. Наркотики. Оружие. Проституцию. Коррупцию. Убийства. Она хотела показать Брянск — настоящий. Без прикрас и глянца. Разнести «Акварель» с её берёзами и натюрмортами. Мечтала взять тему, от которой у редактора случится инфаркт. А у Илюхина — тем более.

— Я хочу написать про наркопритон на окраине. Тот, что накрыли в мае. Помнишь?

— Помню. Там был труп.

— Два трупа. И один выживший. Мальчик. Шестнадцать лет. Он сейчас в колонии. Я хочу с ним поговорить.

— Аль. Это опасно. И на хрена? Какое это имеет отношение к подмене ценностей на копии в музее?!

— Да хз. В таких милых городках как ваш, все всегда взаимосвязано. Здесь все спят под одним одеялом. И все друг про друга знают все. Надо только поговорить. И все. Я знаю, что риск есть. Но...Кто не рискует, тот не пьет. Я пью, Бревно. Много и с удовольствием.

— И я не могу тебя туда отпустить.

— А ты и не можешь меня никуда не отпустить. Ты мне не начальник.

— Я редактор проекта.

— Елки-палки! Да не может этого быть! Батюшка! Ты — редактор отдела культуры. А я — криминальная журналистка. Мы на равных. Так что не указывай. И не пыхти.

Пауза. Долгая. Она услышала, как он вздохнул. Тяжело. Как будто нёс что-то. Что не мог сбросить.

— Ладно, — проворчал он. — Пиши заявку. Но я пойду с тобой.

— Не надо. От, ты придумал!

— Надо.

— Илюх.

— Я сказал — надо. Или ты не идёшь.

Она замолчала. Мрачно смотрела на телефон. Злилась. Но что-то внутри — радовалось, исподтишка. Она давно не чувствовала заботы. От него. Настоящей, не для галочки. Прямо ми-ми-ми. Шёл с ней. В опасное место. Такой герой. Мог бы сказать: «Это твоя тема. Разбейся сама». И был бы прав, тысячу раз. А он, как всегда. Как когда нёс её через лягушек или защищал от пацанов. Когда еще любил.

— Ладно, — снисошла она. — Пойдём вместе. Но если ты меня начнёшь тормозить — я тебя брошу. Так и знай. И потом не плач. Разговор с тобой будет короткий.

— Договорились. — Почти благодарно выдохнул он.

Они и сегодня вечером потащились куда-то на окраину. Зброшенный барак. Наркопри-тон, который уже давно накрыли. Илюхин помнил кадры кинохроники. Полиция. Оцепление. Ленты. Вспышки. Сейчас тут было пусто. Серо. Грязно. Алька ходила. Смотрела. Нюхала. Записывала. Илюхин стоял рядом. Молчал. Охранял это долбанутое сокровище. Не мешал.

Она нашла то, что искала. Какие-то ложки, обгоревшие свечи. Фотографии старые. Чьи-то. Алька собрала, сложила в пакет. Илюхин смотрел.

— Зачем тебе это?

— Для материала.

— Это же мусор.

— Да вот и не хрена, не мусор. Это жизнь. Чья-то. Которая закончилась. Или ещё нет.

Он не понял. Или сделал вид. Она и не объясняла. Просто пошла дальше. К машине. Он — за ней. Молча. Все как всегда.

Материал она писала ночью. В квартире с ковром и сервантом. Ноутбук. Кофе. Сигарета. Она писала быстро. Жёстко. Без сантиментов и жалости. Как умела. Без берёз.

Утром она отправила текст Илюхину. Он прочитал. Позвонил.

— Это... сильно.

— Агась.

— Нет. Ты не понимаешь. Это очень сильно. Я такое не читал. Давно.

— Спасибо, милый.

— Но редактор не пропустит.

— Почему?

— Слишком жёстко. И похоже на правду. Он испугается. А где ты всего этого понабрала? У тебя вчера всего этого еще не было. Совсем.

— Знать надо рыбные места. А ты? Пропустишь?

— А я-то что?! Допустим, не боюсь. Я просто знаю, не дадут опубликовать и точка.

— Тогда помоги мне. Сделай так, чтобы пропустили.

Пауза. Она прямо слышала, как он думает. Шестеренки неторопливо ворочаются. Как трактор, ей-богу. Медленно, но обычно — верно.

— Ладно. Я поговорю с ним. Но ты должна смягчить финал.

— Я не буду ни хрена смягчать. Не люблю вялые... финалы.

— Аль.

— Нет. Я сказала, не буду. Ты либо со мной. Либо ариведерчи.

— Я с тобой. Но давай хотя бы без мата.

— Там нет мата.

— Есть. Два раза. Я посчитал.

Она засмеялась. Умел же он её рассмешить. Даже когда она злилась.

— Ладно. Уберу мат. Но финал не трону.

— Хорошо. Я поговорю с редактором.

Он поговорил. Утром. В кабинете. Редактор долго читал. Хмурился. Потом сказал:

— Это не наш формат.

— Ну да. Потому что её формат. Нам для этого ее отправили. И мой теперь. Мы работаем вместе.

— Илюхин. Серега. Ты понимаешь, что это может кончиться плохо?

— Понимаю. Но это правда. А может выстрелить. Еще как. Надо показывать.

— Даже такую?

— Даже такую.

Редактор вздохнул. Посмотрел на него. Внимательно. Как будто видел впервые.

— Ты изменился, — желчно заметил он. — Она здесь только сутки, а тебя прямо всего перевернуло. Не узнать.

— Может.

— Она на тебя влияет. Хреново.

— Угу. Она всегда на меня так влияла. Отрицательно.

— И что? Это хорошо?

— Для работы, да. Для меня нет.

— Не знаю. Но смотри мне. Я еще с тестем твоим не разобрался. И не хочу начинать. Ясно

Илюха кивнул. Редактор подписал. Материал вышел. В пятницу. Утром. В интернете. На сайте «Акварели». И в «Тени». Одновременно. Резонанс. Комментарии. Звонки. Кто-то хвалил. Кто-то ругал. Даже угрожали пару раз. Алька читала и хихикала. Илюхин читал и молчал. Кое-кто вдруг намекнул про музей. Илюхин чуть в обморок не рухнул. Как?! Как она чужая, эта мелкая пигалица?! В воду что ли смотрела.

Вечером она позвонила ему. По «Нокии».

— Ну что, Бревно. Сработались.

— Сработались.

— Я же говорила. Я умею накрутить хвоста.

— Я и не спорил.

— Спорил. И пыхтел. Всю дорогу.

— Это не спор. Обсуждение стратегий.

— Называй как хочешь. Результат есть.

— Есть.

Она слушала, как он дышит. Щурила жесткие глаза. Что-то в нем изменилось. В этом дыхании. Что-то новое. Или старое. Забытое.

— Илюх.

— Мм?

— Ты молодец. Пошёл со мной, не сдрейфил. Поговорил с редактором. И не сдал назад.

— Я не сдаю назад. Возраст, понимаешь, не позволяет.

— Сдаёшь. Всегда сдавал. Когда было трудно — сдавал.

— Не всегда.

— Всегда. Но сегодня — нет. Прямо сегодня ты был... другим. Лучше, чем обычно.

— Может, я изменился.

— Неа. Люди не меняются.

Он усмехнулся. Ну да. Началось в колхозе утро.

— Тебе виднее, Аль. Тебе виднее.

Она смотрела на телефон. Маленький экран. Хотела что-то сказать важное. Но не сказала. Да и зачем?

— Ладно, — протянула она. — Завтра подкаст. Не забудь.

— Помню.

— В семь вечера. По скайпу. Не опаздывай.

— Я не опаздываю.

— Ты всегда опаздываешь. И тормозишь.

— Уж какой есть.

— Вот именно. Пока.

— Ну, пока.

Она положила телефон и посмотрела в окно. Странно все это. Ночь. Брянск. Огни. Тишина. Она улыбнулась.

Подкаст записывали на следующий день. Вечером. Алька — в студии. Илюхин — в Брянске, в редакции. По скайпу. Она надела наушники. Посмотрела на экран. Он сидел за столом. Очень демократично. В свитере. С чашкой чая. Семейное фото за спиной. Перевёрнутое? Нет. Нормальное. Геля. Дети. Счастливые.

— Вижу, ты в редакции.

— А где мне быть?

— Не знаю. Может, дома.

— Редакция – второй дом родной.

— Жена не против?

— Она современный человек. Понимающий ценность карьеры.

— А. Ну да.

Она закурила внаглую. В студии. Хотя нельзя. Но она курила. Вот зараза.

— Начинаем?

— Давай.

Запись. Подкаст «Что у нас плохого?». Выпуск первый. Совместный. Алька говорила. Илюхин слушал. Потом — отвечал. Медленно. Обстоятельно. Она язвила. Он вздыхал. Она перебивала. Он ждал. Она смеялась. Он улыбался. Слушатели в чате писали: «Огонь!» «Кто этот мужик?» «Как он её терпит!» «Она его любит! Я вам точно говорю!» Алька читала. Не показывала. Илюхин не читал. Он просто говорил. Спокойно. Уверенно. Обстоятельно.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты вылитый трактор? — спросила она в прямом эфире.

— Да. Случалось и такое.

— Тогда повторю. Ты медленный. Но пашешь. Хорошо пашешь.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Разумеется. Я понял.

— Врёшь.

— Не вру. Я знаю, хвалят, когда злятся. Или когда не доверяют. Ну или когда вдруг все хорошо. Это реже.

— С чего ты взял?

— Редакторский опыт. Длительный.

Она замолчала. В эфире. На секунду. Все замерли. Даже слушатели. И он. В чате — одна реплика. Он не должен был видеть. Но увидел. «А чувак-то в свитере. Че, до сих пор её любит что ли? И боится. Видно же».

Потом она продолжила:

— Отличный ход. Тогда продолжаем.

Подкаст получился. Сильный. Живой. Его скачали многие. Прослушали. Написали. Рейтинг рванул. Начались реакции. Кто-то звонил в редакцию. Кто-то — лично. Алька хохотала. Илюхин читал. Молчал. Потом позвонил.

— Аль.

— Что?

— Это было... хорошо.

— Нью. И?

— Нет. Ты не понимаешь. Это было очень хорошо. Я давно так не... работал.

— Ты и не работал. Ты сидел и пил чай. На фоне счастливого семейства.

— Ты чего! Я работал. Говорил.

— Ты вздыхал. И пыхтел. Привык, понимаешь, что твой раздел читают только кошки — им же спать на газете надо.

— Это тоже работа. И большая экоответственность.

Она мелко захихикала. Он рассмеялся. Поржали. На расстоянии, но вместе.

— Илюх.

— Мм?

— Мы — команда. Слышь? Даже когда сремся. И когда я тебя посылаю. А ты меня терпишь. Мы — крутая команда.

— Отлично.

— Ты что, знал?

— Всегда.

— Тогда почему молчал?

— Оно тебе надо было?

Неожиданная пауза. Оба смотрели на телефоны. На «Нокию».

— Ладно, — растягивая слова, заявила она. — Завтра — новый материал. Готов? Только ты мне тут не философствуй, Илюха. Твои «эстетики» — как глядеть на говно через витраж.

— Вполне.

— Тогда спи спокойно, Бревно.

— Спокойной ночи, Петруха. Дикошарая.

Гудки. Она положила телефон. Любила, когда получалось оформить материал каклагается. На этот раз все отлично. Комар носа. Но. Это только начало.

Хоть бы не растерял жар, этот Илюхинский паровоз.

Глава 6. ВЕЧЕР

Июль в Брянске выдался странным. Днём — жара, вечером — гроза. Как по расписанию. В пять — солнце. В семь — тучи. В восемь — ливень. К девяти — снова тихо. Мокрый асфальт. Пар от земли. Запах тополей и тишина. Такая, что слышно, как соседи ругаются, телевизор бормочет. И чей-то кот орёт на дереве.

Алька сидела на балконе. Маленьком и тесном. Второй этаж, вид на улицу. Старые дома. Фонари. Лужи. Она курила свою «Вирджинию». Третью за вечер. Пепел падал в железную банку. Она её приспособила. Банка была из-под «Якобс». Монарх. Красная. Стояла на полу между ног. Воды туда щедро плеснула, чтобы не подпалить чего.

Алька скучала, таращилась на улицу. На людей. Кто-то с собакой. Кто-то с пакетом из «Пятёрочки». С ребёнком или один. Как она. В чужом городе на съёмной квартире. С сервантом и оленями. Которые смотрели прямо в душу. Она их уже ненавидела. Или любила. Не понятно.

Телефон завибрировал. Глянула. Грошев. Опять. Взяла.

— Петрова.

— Петрова. Ты в Брянске?

— В Брянске.

— Как оно?

— Нормально. Дождь. Ковёр с оленями. Хозяйка — бабка. Сдала за дорого. Но мне пофигу.

— Ты бы осторожнее с деньгами. Богачка. Не тряси там мошной, смелая.

— Я осторожная. Просто не экономлю.

Грошев вздохнул. Он всегда вздыхал, когда она говорила о деньгах. И рисках. О том, что ей по фигу.

— Слушай. Я опять про Клыкова. Вот не спится мне.

— Грошев. Ну сколько можно?

— Он не успокоился. Я узнал. Он написал запрос. В Брянск. В тамошнее УВД. Про тебя.

— Что за запрос?

— Стандартный. «Прошу предоставить информацию о пребывании гражданки Петровой А.С. в городе Брянске. В связи с проверкой». Типа того.

— И что теперь? Арестуют?

— Заткнись, а? Кто тебя арестует. И то! Он копает под тебя в проекте. И всё.

Алька закурила. Она сбилась уже со счета. Дым. Ночь. Огни. Она смотрела на них и думала. Опять. Этот мужик с вечной обидой и уязвленным самолюбием. Клыков, которому она пять лет назад на корпоративе разбила об лоб стакан. Полный. За то, что полез, куда не просили. А именно, к ней под юбку. За что и пострадал. Он запомнил. Крепко. И теперь вот — мутит.

— Грошев. Он что, думает — я испугаюсь?

— Он думает, что ты влипнешь и сдашься.

— Я не сдаюсь.

— Этого-то я и боюсь. Будь осторожна. Не геройствуй, пожалуйста.

— Лады. Договорились.

— Обещаешь?

— Господи! Ну да, обещаю. Успокоился?

— Врёшь.

— Вру.

Она хрипло засмеялась. Он хмыкнул. Потом — гудки. Она положила телефон и посмотрела на банку из-под кофе. Полную бычков. Вот прямо как в жизни. Все дерьмо — сверху. Она затушила сигарету. Закрывает балконную дверь. Включила телевизор. Старый хозяйский. Показывали новости. Что-то про санкции. Про Путина. Потом про медведей. Она не слушала. Смотрела на экран. Не видела. Думала. О запросе. Илюхе. О том, что будет.

Звонок в дверь. Она вздрогнула. Посмотрела на часы. Девять вечера. Кто еще? Открыла. На пороге — Илюхин. С папкой. Мокрый. Видимо, под дождём шёл. Стоял перед дверью. Не решался.

— Ты чего? — изумилась она. — Ночь уже.

— Документы привёз. Ты просила. Для завтрашнего материала.

— Просила. Но не ночью же.

— Я не мог раньше. Дети. Ужин. Геля.

— А. Ну да. Геля.

Она отступила. Пропустила, не оставлять же его на улице в таком виде. Вошёл, огляделся. Рассмотрел оленей. Потом перевел взгляд на неё.

— Уютно. Умеешь ты, устроиться с комфортом.

— Ой, не ври.

— Не вру. Уютно. По-домашнему. Как у бабушки.

— Это и есть бабушкино. Хозяйское кино. Я тут временно.

— П-ф-ф. Все мы временно. Тут.

Положил папку на стол. Сел на стул. Она — на диван. Закурила. Он с ужасом смотрел, как она курит. С жадностью. Будто боится, что отнимут.

— Ты бы бросила, — неохотно сказал он.

— Что?

— Курить. Бросила бы, говорю.

Она легко засмеялась.

— А ты бы похудел. Или нет?!

Илюхин смешался, втянул живот.

— Я работаю над этим.

— Не видно.

— Я медленный и постепенный. Ну, ты знаешь.

Она засмеялась снова. И он улыбнулся.

— Илюх.

— Мм?

— Ты чего приперся? На самом деле.

Он молчал. Смотрел на папку. На оленей. Только не на неё. Потом выдавил:

— Да хрен его знает. Просто. Приехал. Увидел свет в окне. Решил — зайду.

— Свет. В окне. Как в кино прямо.

— Ага, в старом итальянском кино. В черно-белом.

— Да ты поэт!

— Угу. И кинематографист. В одном флаконе.

Пауза. Она затушила сигарету. Встала, пошла на кухню. Тесную, со старой газовой плитой. Включила электрический чайник. Достала две чашки. С трещинами, хозяйские. Зачем другие? Временно же.

— Чай будешь?

— Буду.

— Зелёный? Чёрный?

— Чёрный. С молоком.

— Молока нет.

— Тогда без.

Она заварила. Принесла. Села на диван, ноги под себя. Он взял чашку, отпил. Поморщился.

— Горячо. Аль.

— Осторожнее.

— Я предельно осторожен.

— Да ну? Ты медленный газ. Тормоз.

— Это одно и то же.

— Нет. Это разное.

Они пили чай. Молчали. Посматривали друг на друга. И ни один из них не решался спросить другого. О чем хотел. Больше всего на свете. Он допил чай. Поставил чашку на стол — тихо, чтобы не звякнула. Встал. Подошёл к окну. За стеклом — фонари, лужи, мокрый асфальт. Мимо прошла женщина с собакой. Собака тянула поводок, женщина не торопилась. Он смотрел на них, пока не скрылись за углом. Потом — на своё отражение в тёмном стекле. Большой. Неповоротливый. Смешно.

О чем он думал, зачем пришел?! Уходить, бежать.

— Аль.

— Что?

— Я пойду. Поздно.

— Иди.

— Завтра. В десять. В редакции.

— Помню.

— Спокойной ночи.

— Вали уже вали. И тебе спокойной.

Вышел. Она слышала его шаги, бегущие вниз. Потом хлопнула дверь подъезда.

Постояла еще минуту. Потом затушила сигарету. Закрыла балкон. Легла на диван, не раздеваясь. Лежала. Смотрела на оленей и ждала завтра. Или его.

А он шёл по улице под дождём. Уставший. Но не злой, почему-то. Даже улыбался.

Пришёл домой. Тихо открыл дверь. Геля и дети спали. Он разулся. Прошёл на кухню. Сел. Налил себе водки прямо в чашку. Выпил. Смотрел в окно. Ночь. Брянск. Его город и дом. Всё, как надо. Как и должно было быть.

Знал ведь, Алька – «чёрная пантера» тюменской журналистики. Острая, язвительная, без страха и упрёка. Она всегда жила на грани, потому что только так чувствовала себя живой. Её цинизм – броня, а слова – оружие. Но где-то глубоко внутри все равно ещё теплится та девчонка, которая когда-то верила в Илюху, Бревно. Его первая любовь и жена. На три месяца. Которая так легко и просто разделалась тогда с его жизнью. И не ушла. Так и осталась. С ним. Через эти чертовы два звонка в неделю. Но и он не ушел от нее совсем. Так и тянется все это. И нет никакого выхода.

Налил ещё. Выпил.

Какая она? Что наговорила ему за эти годы, что из этого он запомнил? «Жизнь моя — криминальная сводка: плохо всё, но интересно!», «Много знать вредно... но так веселей!». Её бесконечные романы только с теми, у кого есть служебное удостоверение или судимость.

Он усмехнулся. Взял чашку. Посмотрел в неё. Пусто.

С родителями не общается. Где-то они так и канули на Северных широтах. Бабка, которая её растила, умерла. Никогда не заводила себе даже кота. Ну да, «потом придётся домой ездить».

На работе с коллегами резкая, но своя. Если уж уважала — крыла почём зря, но защищала. Друзей единицы. Только проверенные годами, остальные — «проходящий материал».

Мужиков всегда вокруг неё море. Любила играть, дразнила, но в сердце не впускала. И к этим откровениям он привык. Сам не без греха.

Больше всего её бесили бизнесмены и «творческие люди». Ещё бы. Вторым муж был бизнесменом. Сплыл. Третий — музыкантом. Ушёл в закат. Так что теперь опять в свободном плавании.

Мечтала написать скандальную книгу, которая что-то информационно взрывала. Не обязательно Тюмень. Брянск тоже нормально. Не дай бог, конечно. Только этого ему и не хватало.

Он поставил чашку. Встал. Прошёлся по кухне. Туда. Сюда. Сел обратно.

В чём он уверен, так это в том, куда она потратила бы миллион, если тот упал с неба ей на непутевую голову. Была у них одно время такая дурацкая игра. Делились ерундой. Точно поехала бы в рискованную командировку — «за материалом». Купила бы новую куртку и дорогой виски. Остальное лихо спустила бы на азартные вечеринки. А что? Один раз живём.

И — да. Твёрдое её убеждение, что доверие — роскошь, которую она не могла себе позволить. Ну, он, Бревно, счастливое исключение. Или не счастливое.

Как-то пьяная сказала ему, что хочет тату во весь лоб: «Живу быстро, умру ярко». И он реально стал бояться, что с ней что-то может случиться. Но не случилось. Пока.

Поддевала его, подсмеивалась над неповоротливостью и незлобивостью. «Смотри, Бревно, если тебя не боятся — ты делаешь что-то не так».

А он так и жил — не так.

А как так жить, не знал.

Поэтому сидел на кухне, пил уже третью чашку водки. И ждал завтра.

Может, тогда всё случится.

Глава 7. ДЕРЕВНЯ

В субботу утром Алька проснулась от настойчивого стука в дверь. Ни привычных гудков товарняка, ни воя сирены, ни ругани соседей за стеной. Ага. Она не в Тюмени. А человек за дверью точно знал, что она дома и никуда не денется. Открыла глаза и некоторое время лежала неподвижно. Стучали. Сообразила, что находится в Брянске, в съёмной квартире с ковром и оленями, и что стучат, скорее всего, именно к ней. Просто потому что больше здесь стучать было некому. Она накинула халат и пошла открывать. Ещё не до конца понимая, кого она ожидает увидеть на пороге в семь утра в субботу. Но уже мрачно догадываясь, что это не почтальон и не соседка за солью.

Илюхин стоял на пороге в джинсах и футболке, без свитера и очков. Отчего его лицо казалось непривычно открытым и даже каким-то помолодевшим. Щурился близоруко, как мальчишка, который потерял очки и теперь пытается разглядеть мир на ощупь. Она смотрела на него и не могла вспомнить, когда видела его таким последний раз. Без этой вечной вязаной брони. Ей даже показалось, что это тот самый неуклюжий парень из деревни. Который ждал её за школой и краснел, когда она смотрела на него слишком долго.

— Ты чего? — спросила она. Прекрасно понимала, что просто так, ради удовольствия постоять на пороге в семь утра в субботу, он бы не пришёл. — Семь утра. Люди спят.

— Поехали, — приказал он вместо ответа. В его голосе было столько уверенности, что она на секунду опешила. Привыкла слышать от него совсем другие интонации.

— Куда?

— В нашу деревню. Туда. Ну. Ты помнишь.

Она помнила. Конечно. Даже то, что предпочла бы забыть. И деревня эта стояла у неё перед глазами так отчётливо, словно она уехала оттуда вчера. Алька не возвращалась туда столько лет, что уже не могла сказать, чего в её памяти больше. Правды или того, что она придумала потом, чтобы не так было больно вспоминать. Одно она знала точно: ехать туда не хотелось. Там не осталось ничего, кроме призраков. А с ними она предпочитала не встречаться.

— Зачем? — спросила она, и это был не праздный вопрос. А попытка понять, что происходит в голове у этого человека. Вдруг приехавшего ни свет, ни заря.

— Надо.

— Кому надо?

— Мне. Тебе. Не знаю. Надо. Одевайся.

Он говорил так, как будто уже всё решил. Это было не похоже на привычного Илюху, который обычно долго взвешивал каждое слово и по три раза извинялся, прежде чем что-то предложить. Она даже не стала спорить. Ей стало любопытно, и хотелось хоть раз в жизни сделать что-то, не просчитывая последствий. Она оделась быстро и без лишних раздумий — джинсы, футболка, куртка, кроссовки. Взяла сигареты и телефон, не стала краситься и вышла во двор. Он уже ждал её в машине с работающим двигателем.

Она села рядом, хлопнула дверью и сразу же потянулась за сигаретой. Дорога в тридцать километров без курева казалась ей немыслимой, а он не возразил, хотя обычно ворчал по этому поводу и просил открыть окно. Дворники не скрипели, и это была вторая странность за утро. Потому что они скрипели у него всегда, сколько она себя помнила.

— Долго ехать? — спросила она, глядя на проплывающие за окном городские улицы. Ещё не успевшие проснуться и казавшиеся непривычно пустыми. — Уже даже и не помню совсем.

— Тридцать километров. Час. Может, больше. Дороги.

— Дороги. Ну да.

Он не ответил, и они поехали молча. За городом начались поля — зелёные и жёлтые одновременно. Небо здесь было выше, чем в городе. Как будто город давил на него своими домами, а здесь, на просторе, оно наконец могло распрямиться и дышать. Она смотрела на это небо и вспоминала, как в детстве лежала на траве и смотрела вверх. И ей казалось, что если долго смотреть, то можно увидеть, как облака плывут куда-то в другую жизнь.

— Ты была там? — спросил он, не отрываясь от дороги. — В деревне. После. Ну. После всего.

— Нет.

— Никогда?

— Никогда. Бабка умерла. Дом продали. Кому-то. Чужим. Я не ездила. Зачем? Там ничего нет. Только память. А память — она со мной. Всегда. Зачем ехать? Чтобы увидеть? Что? Развалины?

— Да. Руины.

— Ты опять романтик, Илюха.

— Да знаю я.

Она опять закурила в машине, хотя знала, что его это раздражает. И он не возразил, только крепче сжал руль. И она видела, как напряглись его пальцы, но он молчал. Решил сегодня не спорить с ней ни по одному поводу. Это было настолько непривычно, что она даже забеспокоилась — не случилось ли с ним чего-нибудь, о чём она не знает. Но потом решила, что не стоит наводить тень на плетень, и просто докурила сигарету. В какой-то момент заметила, что дышит глубже, чем обычно. Как будто воздух здесь был другой, чище и легче. Хотя дело было совсем не в воздухе.

Деревня появилась неожиданно. Как это всегда бывает с местами, которые ждёшь слишком долго. За поворотом, у леса, сразу после моста через пересохшую речушку, и она увидела пять или шесть домов. Половина из которых стояла заброшенными, с выбитыми окнами и провалившимися крышами, а в остальных ещё теплилась жизнь. Потому что из трубы шёл дым и где-то топилась баня. Трава стояла по пояс. Крапива и лопухи захватили дворы, а запах дыма смешивался с запахом полыни и чего-то ещё, неуловимого, но знакомого. У неё защемило в груди. Она отвернулась, чтобы он не видел её лица. Илюха остановил машину, заглушил двигатель, и они вышли в тишину, которая оглушала после городского шума. Только кузнечики стрекотали, и ветер шелестел в траве. Где-то далеко, за лесом, лаяла собака. И этот звук казался таким же далёким, как её собственное детство.

Она стояла и смотрела на дом своей бабки — второй от края, с покосившимся крыльцом и заколоченными окнами. И не узнавала его, потому что помнила совсем другим: крепким, с забором и огородом. Где росли огурцы и помидоры. С собакой на цепи и трехцветной кошкой на крыльце. Время сделало своё дело и превратило когда-то живую деревню в декорацию к фильму о конце света.

— Пойдём, — сказал он и взял её за руку. Алька не отняла, потому что в этом жесте не было ничего такого, чего стоило бы стыдиться. Просто два человека, которые когда-то знали друг друга лучше всех на свете, шли по заросшей деревенской улице к тому месту, где всё началось.

Яблони он заметил первым. Старые, разросшиеся. С ветками, которые торчали в стороны. С мелкими дикими яблоками, которые никто не собирал и не ел. Они падали в траву

и гнили. Запах от них стоял кислый и сладкий одновременно. Он сорвал одно, протёр о футболку, откусил и поморщился.

— Кислятина, — проворчал он и выбросил огрызок в траву.

— А ты думал? — Она усмехнулась. — Двадцать лет никто не ухаживает. Одичали.

— Ага. Как мы, — фыркнул он.

Школа стояла на прежнем месте. Одноэтажная, из белого косенького кирпича, с выбитыми окнами и сорванной дверью. Внутри у неё было всё то же, что и в любом заброшенном здании: бутылки, шприцы, презервативы, мусор, который никто не убирал годами. Кто-то здесь всё же жил или умирал, и от этой мысли становилось не по себе. Она стояла и смотрела на выбитые окна и думала, что жизнь — странная штука. Ты приходишь в место, которое помнишь светлым и полным звуков, а находишь руины. И ничего уже не вернуть. И не надо возвращать. Всё, что было, осталось в тебе, а не в этих стенах.

— Ты помнишь? — спросила она вдруг. И глаза у неё загорелись, как тогда. — Как мы за школой курили. Ты ждал тренера. А я с пацанами за углом.

— Помню, — ответил он. — Ты тогда в первый раз попробовала и кашляла так, что я думал, ты легкие выплюнешь.

— А ты стоял и зырил, как дурак. Смотрел на меня как на чудо. Или как на чуму.

— Как на чудо, — согласился он без всякого сопротивления. — Ты и была чудом. Я таких, как ты, никогда до этого не видел.

Она хрипло засмеялась. Когда-то давно, такие слова прозвучали бы для неё как признание в любви. Но не сейчас. Она чувствовала только странное спокойствие, как будто приехала сюда не для того, чтобы что-то вернуть или оплакать. Нет. Просто ей нужно было увидеть место, где когда-то жила другая девочка. Которая вышла замуж за другого мальчика. И думала, что будет счастлива.

Дом деда Илюхи стоял напротив, через дорогу, и тоже был заброшен. И они постояли перед ним молча, глядя на провалившуюся крышу и забитые досками окна. Он первый заговорил.

— Прикинь, а я ведь сюда детей хотел привозить, — усмехнулся он. — Своих.

— Так что ж. Привезёшь. Внуков своих. Которые потом будут.

— Может быть.

— Не может. Будут. Ты — плодовитый. Разведёшь тут многодетность. Ещё и построишься.

Он засмеялся. Она смотрела, как он смеётся, и морщинки разбегаются у глаз. Думала о том, что без очков он похож на того самого мальчишку, которого она когда-то знала. И что, наверное, где-то глубоко внутри он им и остался. Несмотря на всю ту жизнь, которую он выбрал сам. А она, в отместку, сделала его медленным и основательным.

Сеновал не было. Сгорел давно. И от него остался только фундамент, заросший крапивой и полынью. Но они всё равно подошли и постояли, глядя на это место, где когда-то началась их общая история. Алька смотрела на фундамент и вспоминала, как здесь было темно и жарко, как пахло сеном и её духами. И как было одновременно страшно и весело. Илюхин стоял рядом и молчал, потому что тоже помнил. Слова были не нужны.

— Тут мы, — сказала она наконец. — Первый раз.

— Тут, — согласился он.

— Смешно.

— А помнишь, ты сказала: «Из-за этого столько шума?» Я чуть не сдох. Думал, что все испортил.

— Помню. Я тогда думала, что всё. Теперь взрослая. А оказалось, что ничего не изменилось. П

— Я тогда думал, что это навсегда, — мучительно тихо проговорил он.

— Все так думают в пятнадцать.

— Не все. Я правда думал.

Она посмотрела на него внимательно, но ничего не сказала. Они постояли ещё немного и пошли дальше, к речке. Которая когда-то казалась широкой и глубокой, а теперь превратилась в ручей, едва заметный среди камней и кустов. Мостки сгнили и наполовину обвалились, а ива наклонилась к воде так низко, что её ветки касались поверхности.

Они сели на берегу, на траву, которая была мягкой и тёплой от солнца. Илюхин начал бросать камни в воду. Каждый камень оставлял круги, расходившиеся всё шире и шире. А потом исчезающие, как будто их и не было вовсе. Алька закурила и смотрела на эти круги. Ей казалось, что жизнь устроена примерно так же. Ты бросаешь камень, он оставляет след. Проходит время, и след исчезает. И только ты один помнишь, что он когда-то был.

— Илюх, — обратилась она к нему, глядя на воду.

— М?

— Ты помнишь, как ты меня нёс через лягушек? Ночью. Я боялась. А ты нёс.

— Помню.

— Я тогда впервые подумала, что ты ничего такой. Ну, то есть... Не такой, как все. Прикольный.

— А я тогда думал, что хочу такую, как ты. Чтобы вот такая же, с этим дурацким смехом и глазищами, которые всё видят и ничего не боятся. Ну, кроме лягушек, конечно.

Она затушила сигарету и посмотрела на него. Они оба улыбнулись. Как будто они вспомнили не свои несбывшиеся надежды, а просто хороший день из детства. Который остался с ними навсегда, несмотря ни на что. Он бросил ещё один камень. И круги снова разошлись по воде. Она проводила их взглядом, а потом откинулась на траву и посмотрела в небо. Оно здесь было выше, чем в городе.

— Знаешь, — заметила она, — я иногда думаю, что если бы мы тогда не были такими дураками, то всё могло бы быть по-другому.

— Могло, — согласился он. — Но тогда бы мы не были нами.

— И то верно. Тогда бы мы были кем-то другим. И неизвестно, лучше это или хуже.

Он бросил последний камень и тоже лёг на траву. Они лежали рядом, смотрели в небо и молчали. Точно они наконец нашли место, где можно просто быть и ничего не решать. Пахло травой и дымом, где-то далеко лаяла собака, и ветер шелестел в листьях ивы. Алька подумала, что в этом и есть счастье — лежать на траве рядом с человеком, который знает о тебе всё. И не бояться, что он этим воспользуется.

Потом она спросила, почему он тогда не приехал, не остановил её. Не попробовал всё изменить. Илюхин долго смотрел в небо, прежде чем ответить. Она сказала ему не приезжать, а он всегда слушал её, даже когда не следовало. Она сказала, что разберётся сама. И он поверил. Потому что привык ей верить, хотя иногда это было глупо. Алька закурила и отвернулась, глядя на воду. И он понял, что этот разговор закончен. И неизвестно было, хорошо это или плохо.

Через некоторое время она поднялась с травы, отряхнула джинсы и сказала, что хватит расслаиваться, пора ехать. Он тоже встал. Дорога обратно показалась короче, чем дорога туда. Так всегда бывает, когда знаешь, что тебя ждёт в конце. Она больше не курила и просто смотрела в окно, а он молчал и вёл машину.

Он привёз её к дому на улице Горького и остановился у подъезда. Алька попрощалась и вышла. Илюха смотрел ей вслед, пока тяжелая дверь подъезда не захлопнулась. Поехал домой через город. По улицам, которые уже проснулись и жили своей обычной субботней жизнью.

Он припарковался у своего дома и заглушил двигатель, но не вышел сразу. Сидел в машине и смотрел на окна своей квартиры, где горел свет. Знал, что там его ждут. Сидел так довольно долго, и телефон молчал. Только тополя шумели за окном, и где-то далеко прошёл поезд. Потом он всё-таки вышел из машины, хлопнул дверью в сердцах и пошёл к подъезду. Вошёл в квартиру, где пахло борщом и выпечкой. Геля осторожно поцеловала его в напряжённую скулу прохладными губами.

-- Устал? – спросила, и уже потянула его за стол, где с упоением дрались мальчишки. Выясняя, кто главный. Он попросил чая до ужина. Одел очки. Геля поставила перед ним чашку. Он взял её и отпил. Чай был горячий, даже стекла запотели.

А потом он выдохнул.

И прикрикнул на детей.

Потому что главным здесь был он.

Глава 8. КОМПРОМАТ

Утро началось с дождя. Опять. Брянск в июле — это не Крым, а Питер. Только без разводных мостов и с более дешёвыми сигаретами. Алька сидела на кухне, курила и пила растворимый кофе из автомата. Тот, что в редакции. Дряннь, но бодрил. Она смотрела в окно на мокрый двор, качели, пустую песочницу. Где одиноко валялся забытый кем-то совок. Думала о вчерашнем. О деревне. И сеновале. О том, как плакала. Как дура. Двадцать лет не плакала, а тут развела сырость. Стыдно. Но не очень. Чего-то, она не человек, что ли?!

Телефон зазвонил. Nokia. Она посмотрела на экран. Грошев. В такую рань. Значит, что-то случилось. Взяла.

— Петрова.

— Петруха, ты сидишь?

— Сижу. Кофе пью. Что случилось?

— Клыков. — Грошев замолчал. Алька слышала, как он дышит. Тяжело, как будто бежал. Или как будто не спал всю ночь. — Он подкинул материал. В Брянск. В вашу редакцию. Компромат.

— Какой компромат?

— На отца Илюхина. Сергей Николаевич. Илюхин-старший. Ты знаешь его?

— Знаю. Дачник. Огурцы. Теплицы. Что там может быть?

— В девяностых он был директором совхоза. «Заря». Под Брянском. И там была история. С продаж техники. Списание. Фиктивные акты. Ну, ты понимаешь.

— Понимаю. А Клыков тут при чём?

— Клыков поднял архив. Нашёл документы. Сфабриковал или не сфабриковал — я не знаю. Но он отправил их в «Акварель». Редактору. С пометкой «Для проверки». Типа как сигнал.

Алька затушила сигарету и закурила новую. Руки дрожали. Или не дрожали. Просто было холодно. Или жарко. Не понять. В такие моменты она всегда закуривала вторую, не докурив первую. Привычка. Дурная. Но своя.

— Когда отправил?

— Вчера. Вечером. Я узнал только сейчас. Прости. Не успел.

— Грошев. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Это подстава. Он хочет тебя выставить. Через Илюхина и его семью. Ты же с ним работаешь. Если всплывёт компромат на его отца, а ты знала и молчала — это удар. По тебе. По проекту. И пипец котенку.

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

— Что делать?

— Не знаю. Предупреди Илюхина. Срочно. Пусть он поговорит с редактором. Пока не поздно.

— Ладно. Спасибо.

— Петрова. Будь осторожна. Клыков не остановится.

— Знаю.

Она положила телефон и долго смотрела на него. На экран, где ещё горело имя Грошева. Потом встала, пошла в комнату, оделась. Джинсы, футболка, куртка, кроссовки. Не красилась — не до этого. Взяла ключи. Вышла.

Дождь. Зонт забыла. Ну и ладно. Не привыкать.

Шла быстро. По улице, лужам к редакции. Двадцать минут пешком. Могла бы такси, но не стала. Надо было подумать. А думала она лучше, когда шла и курила. И когда дождь. Она думала о Клыкове, подставе. Об отце Илюхина. И о самом Илюхине. Как ему сказать. И надо ли. Надо. Конечно, надо. Его семья. Он должен знать. Даже если это больно и разрушит что-то. Всё равно надо. Она всю жизнь молчала — и что из этого вышло. Ни хрена.

Она пришла в редакцию. Мокрая. Злая. Вахтёрша тётя Зина посмотрела на неё и ахнула.

— Алька? Ты чего? Мокрая вся.

— Дождь, тётя Зина. Дождь.

— А зонт?

— Да я тебя умоляю.

Тётя Зина покачала головой и протянула ей полотенце. Алька взяла. Вытерла лицо. Волосы. Пошла на второй этаж. В кабинет Илюхина. Он сидел за столом, пил чай, смотрел в компьютер. Увидел её и встал.

— Ты чего? Мокрая. Что случилось?

— Илюх. Случилось. Надо поговорить.

— Говори.

Она закрыла дверь, села напротив и посмотрела прямо. В глаза. Как умела только она — без страха и жалости. Вот такой обезбол.

— Клыков отправил в редакцию компромат. На твоего отца. Якобы в девяностых он был директором совхоза. И там были махинации. С техникой. Фиктивные акты. Списание.

Илюхин смотрел молча. Взял чашку, отпил, поставил. Лицо не менялось. Только где-то в глубине глаз что-то дрогнуло. Что он прятал. Даже от себя.

— Это правда?

— Я не знаю. Может, правда. Может, нет. Но Клыков поднял архив. Он хочет тебя выставить. Через отца и меня. Опрокинуть проект.

— Почему через тебя?

— Потому что мы вместе работаем. Если компромат всплывёт, а я знала и молчала — это удар. По мне.

— Ты знала?

— Только что узнала. От Грошева. Пять минут назад.

— И сразу пришла.

— Сразу.

Он смотрел долго, внимательно, как будто искал что-то в её лице. Потом сказал:

— Спасибо. Что сказала. Сразу.

— Илюх. Это серьёзно. Надо что-то делать. Поговори с редактором. Пока он не получил бумаги. Или получил. Не знаю. Надо проверить.

— Я поговорю.

— Когда?

— Сейчас. Пойду к нему.

Он встал, пошёл к двери. Она за ним. Он обернулся.

— Ты куда?

— С тобой.

— Не надо. Это семейное.

— Это не семейное. Это моё. Меня тоже касается. Я в этом проекте. И Клыков бьёт по мне. Через тебя. Я иду с тобой. И заткнись.

Кивнул. Они пошли к кабинету редактора. Постучали. Вошли. Вместе, как дураки.

Редактор — мужчина лет шестидесяти, седой, в очках — сидел и читал какие-то бумаги. На столе их было много — целая гора. Которая, казалось, вот-вот обрушится на пол. Он поднял глаза, увидел их обоих и насторожился. Чувствовал. Старая журналюгинская чуйка.

— Что-то случилось?

— Да, — подтвердил Илюхин. — Случилось.

— Садитесь. Оба.

Они сели. Илюхин рассказал. Про компромат и Клыкова. Про отца. Редактор слушал молча, не перебивая. Только иногда кивал. Потом открыл ящик, достал конверт и положил на стол. Конверт был серый, казённый, без марок. С надписью от руки.

— Это пришло вчера. Вечером. Курьером. Я ещё не открывал. Думал утром посмотрю.

Он открыл конверт, достал бумаги. Документы. Ксерокопии. Старые, пожелтевшие, с пятнами от чая и времени. Акт. Накладная. Подпись. Илюхин-старший. Директор совхоза «Заря». Год 1994. Продажа техники. Списание. Фиктивные. Редактор разложил их на столе. Алька смотрела. Илюхин смотрел. Молчали.

— Это копии, — рассказывал редактор. — Оригиналы в архиве. Я проверил утром.

— И что? — спросил Илюхин.

— Подделка. Не знаю. Но это есть. В архиве. Кто-то подложил. Не понять.

— Клыков. Это он.

— Может. Но доказательств нет. Он прислал анонимно. Через курьера. Я не знаю кто. Но я знаю зачем. Чтобы мы это опубликовали. Но испугались. И отказались от проекта. Или от тебя. Или от неё.

Он посмотрел на Альку. Она смотрела молча. Потом сказала:

— Мы не откажемся.

— Я знаю. Поэтому вы и здесь. — Редактор вздохнул. — Что будем делать?

— Проверим, — сказал Илюхин. — Я позвоню отцу. Спрошу. Он всё расскажет.

— Звони.

Илюхин вышел в коридор. Алька осталась с редактором. Молчали. Потом он сказал:

— Петрова. Вы знали?

— Нет. Только что узнала.

— Врёте?

— Не вру. Могу поклясться. Чем угодно.

— Не надо. Верю. — Он смотрел на неё долго. Как будто взвешивал. — Вы ему верите?

— Кому?

— Илюхину.

— Верю.

— Почему?

— Потому что он единственный, кто не врал. Никогда. Даже когда надо было. Он не умеет. Врать. Бедолага.

Редактор медленно кивнул. Илюхин вернулся. Лицо серое. Сел. Молчал. Алька смотрела на него. Ждала. Он поднял глаза. Встретился с ней взглядом. И она всё поняла. По глазам. И как он сжал чашку.

— Что? — спросила она тихо.

— Отец. Он сказал, это правда. Не всё. Но правда. В девяностых было. Продажа. Списание. Он не воровал. Но подписывал. Не глядя. Тогда все так делали. Чтобы выжить. Совхоз разваливался. Люди без зарплаты. Он продал технику за копейки, чтобы заплатить людям. Он не украл. Но по бумагам — махинация. И теперь это всплыло.

Пауза. Долгая. Как жизнь. Илюхин смотрел в стол. В чашку. В прошлое, которое не отпускало. Даже здесь и сейчас.

— Что будем делать? — спросил редактор.

— Ничего, — сказал Илюхин. — Отец сказал: публикуйте. Он не боится. Старый. Ему всё равно. Он говорит: пусть люди знают, как выживали тогда. В девяностых. Спасали совхоз. Правду. Даже такую.

— Скандал.

— Пусть.

— Это ударит по тебе. По проекту. По ней.

— Я знаю. Но молчать не можем. Мы журналисты. Знали, куда шли.

— Готовьте материал. Оба. Срок — три дня. Потом в номер. И в «Тень». Одновременно. Как первый. Ясно?

— Ясно.

Они вышли молча. Пошли кто куда. Алька на улицу. Илюхин в кабинет. Она остановила его в коридоре.

— Илюх.

— М?

— Ты молодец. Что сказал про отца. Про правду.

— Я не молодец. Сказал как есть.

— Вот именно. Как есть. Никто так не делает. Все врут. А ты нет. Ты как есть.

Он смотрел молча. Потом сказал:

— Аль.

— Мм?

— Ты почему не сказала мне про Клыкова сразу? Как узнала от Грошева. Раньше. Когда он тебя предупреждал. Про запрос. Про то, что Клыков мутит. Ты знала, что он копает под меня. Под отца. Под всё. Почему не сказала?

Она замолчала. Смотрела в сторону. На стену. На дверь. На всё что угодно. Только не на него. Потому что если посмотреть — всё рухнет. Или наоборот — встанет на место. Она не знала. Что хуже.

— Я не знала, что он копает под отца. Я думала под меня. Только под меня.

— Но ты знала, что он копает вообще. Ты знала, что он опасен. И ты молчала.

— Илюх. Я не хотела тебя впутывать. Это моя война. Ты тут ни при чём.

— Я тут при чём. Мы вместе работаем. Вместе. Или нет?

— Понимаю.

— Тогда почему молчала? Мы же договаривались. Никаких секретов. Помнишь? Или ты забыла?

Она молчала. Смотрела в пол. В стену.

Он повернулся и пошёл к выходу. Она за ним.

— Илюх. Стой.

Он не остановился. Шёл быстро. Как никогда. Она за ним. По лестнице, коридору. На улицу. Дождь. Он шёл не оборачиваясь. Она стояла на крыльце, смотрела, как он уходит. В дождь. Без зонта.

Он шёл по набережной вдоль реки. Десна. Серая. Как он. Достал сигарету. Закурил. Впервые за год. Или два. Не важно. Дым. Дождь. Река.

Он смотрел на воду. На круги. На всё, что было и чего не было. На свою жизнь, которая текла куда-то не туда. Наверное.

Бросил бычок в урну. Промаяхнулся. Не поднял. Пошёл дальше. Домой. К Геле и детям. К чаю. И жизни, которая ждала.

Алька стояла на крыльце. Смотрела, как он уходит. В дождь.

Без неё. Опять.

Осподи, какое Бревно! Да провались он!

Глава 9. ЧТО ЕСТЬ ПРАВДА

Утро в Тюмени началось с солнца. Наконец-то. После недели дождей, серости и холода — солнце. Настоящее, сибирское, злое. Оно било в окна, плавало асфальт и обещало плюс тридцать к обеду. Алька стояла на балконе, курила и смотрела на вокзал. Поезда приходили и уходили. Люди суетились. Жизнь шла. А она стояла и думала. О вчерашнем. И о чертовом Илюхе. Бревне. И хрен с ним.

Она прилетела в Тюмень ночью. Рейс задержали на три часа. Она сидела в аэропорту Брянска, пила кофе из автомата и смотрела в окно. На поле в сигнальных огнях, громады самолётов. На свою жизнь, которая неслась куда-то не туда. Опять. И она не знала куда. Алька вообще ничего не знала в последнее время. Особенно про себя.

В Тюмень она прибыла в полночь. Такси, дом, квартира у вокзала. Пустая. Холодная. Никто не ждал. И слава богу. Она и не хотела. Или хотела. Не понять. Легла, не раздеваясь, и сразу уснула. Как убитая. Без снов и кошмаров. Впервые за неделю.

Утром — звонок. Nokia. Она посмотрела на экран. Грошев. В восемь утра. Значит, что-то серьёзное. Она взяла.

— Петрова.

— Петруха, ты в Тюмени?

— Ага. С ночи.

— Хорошо. Приезжай в управление. Срочно.

— Чего?

— Приезжай. На месте расскажу. Тебе понравится.

— Грошев. Не тяни.

— Давай не вяньгай. Ехай давай.

Она вздохнула, положила трубку и закурила вторую. Потом пошла в душ. Быстро оделась. Джинсы, футболка, куртка. Не красилась, не до этого. Взяла ключи. Вышла.

Управление МВД по Тюменской области стояло в центре города. Серое здание с колоннами, охрана, пропуска, рамки. Алька прошла быстро. Её знали. Пропустили. Она поднялась на третий этаж, постучала в кабинет Грошева.

Тот сидел за столом. Уставший, седой, но подтянутый. Перед ним лежали толстая папка. Он поднял глаза, увидел её, кивнул на стул. Она села.

— Кофе будешь?

— Давай.

Он налил из термоса в пластиковый стакан. Она отпила. Дрянь, но бодрило.

— Ну. Валяй.

Грошев открыл папку и разложил на столе бумаги. Ксерокопии, документы. Старые, пожелтевшие. Она узнала. Те самые. Из «Акварели». Компромат на отца Илюхина.

— Я кинул клич по старым связям, — объяснил Грошев. — Наши ребята из ЭКЦ посмотрели негласно. Официальную экспертизу будут лепить недели две, но нам и так всё ясно. Это фальшивка. Полная.

— Что?

— Смотри, сухой язык экспертов, — Грошев постучал пальцем по листу с печатью. — «В ходе проверки установлено, что документы содержат признаки подлога. Выявлены поддельные подписи и оттиски печатей, недостоверные регистрационные номера и даты. Документы составлены с нарушением правил делопроизводства и содержат заведомо ложные сведения». А по-нашему, Петруха: организатором фальсификации является гр. Клыков. Действовавший

лично либо через подконтрольных исполнителей. Это подделка. Главное — дело шито белыми нитками. Развалилось бы при первой серьезной проверке, до суда бы вообще не дошло. Но! Шуму бы слегка наделало. Ну и... Любит наш народ каяться. Я вообще не сомневаюсь, что Илюхинский отец уже всю ответственность на себя взял. В предынфарктном, но взял.

Алька смотрела на бумаги. Потом на Грошева. И опять на бумаги.

— Грошев, миленький. Это же меняет всё.

— Меняет. Можешь использовать.

— Или не использовать. И просто закрыть тему.

— Или так. Решай сама. Я даю тебе бумаги. Копии. Оригиналы в сейфе. Если понадобится — достану.

— Спасибо.

— Не благодари. Я же говорил. Должник.

Она кивнула, взяла папку и встала. Пошла к двери. Он остановил.

— Петрова.

— Мм?

— Ты ему скажешь?

— Кому?

— Илюхину. Кому еще-то. Ты ему скажешь, что это фальшивка?

— Скажу.

— Когда?

— Сейчас. Полечу. В Брянск. Сегодня.

— Ты только что оттуда.

— Надо. Он должен знать. Сразу. Не по телефону. Лично.

Грошев внимательно посмотрел на неё, потом кивнул.

— А ты все еще не остыла к нему, Петруха.

— Не твоё дело.

— Не моё. Но я вижу. По глазам. По тому, как ты летаешь туда-сюда. Как ненормальная. Не отпускаешь. Но и не держишь. Ни то, ни сё.

Она помолчала. Потом сказала, как доброму знакомому.

— Не психолог ты, а мент. И не лезь.

— Молчу. — Он поднял руки. — Иди. Лети. Скажи ему. И не забудь про Клыкова. Он не остановится. Упёртый, как баран. Или ты. Найдёт еще что-нибудь. Погорячее.

— Спасибо. Утешил.

— Я старался.

— Грошев, — вдруг обернулась Алька. — А чего ты со мной возишься? Оно тебе надо? Ведь за то, что ты эту всю грязь на белый свет вытащил, тебя по головке не погладят. А отблагодарить мне тебя и нечем. Ты мужик сильно семейный, кремь. Богатств у меня нету. И не предвидится. Славы через мою газетенку тебе не надо. А чего тогда?

Грошев пожевал губами и раздраженно помотал головой.

— Ты Петруха, говори, да не заговаривайся. Отблагодарить. Ты отплатила уже. Получила индульгенцию на всю свою дурацкую жизнь. Еще в 2014 год. Когда Катку мою, дурищу беременную, на трассе Тюмень – Екатеринбург вытащила из горящей машины. Никто не полез, побоялись. А ты полезла. Справилась. И не свалила, а скорую с ней ждала. Так что, Петруха, я твой должник. Надоела ты мне конечно, со своими выкрутасами хуже горькой редьки. Да что поделаешь, блин. Дружба, видишь ли, понятие круглосуточное. И не всегда приятное. Все. Вали давай. В Брянск, к Илюхину своему или к черту лысому. Да не подставляйся больше. Клыков не так прост, как кажется.

— Ну да, ну да. — Пробормотала Алька, — Клыков — как таракан. Противный, но бессмертный. Ждём, когда Алтынов его на пенсию сплавит. Когда-нибудь.

— Ага, жди. — фыркнул Грошев, бессменный Начальник Центра «Э» Тюмени. Знавший всех экстремистов, радикалов, группировщиков. Работавший тихо и без показухи. — И запомни, Аль. Поддерживал и буду поддерживать строго в рамках приличий. Нарушишь — ответишь. По закону. Все. Бывай. До скорого.

Она вышла. Коридор, лестница, улица. Солнце, жара. Она купила билет. На ближайший рейс, через два часа. Тюмень — Москва — Брянск. Поехала домой, взяла неразобранную сумку. Ноутбук, зарядка, сигареты, папка с документами. Кольцо в кармане. Готова.

Аэропорт, рейс, самолёт. Она летела, смотрела в окно. На облака, землю. Думала о том, как скажет. Что ответит. А, плевать.

В Брянске она была вечером. Дождь. Она взяла такси и поехала в редакцию. Знала — он там. Он всегда там, когда что-нибудь случалось. Прятался в работе. И так, всю жизнь.

Вахтёрша тётя Зина удивленно посмотрела на неё и всплеснула руками.

— Петруха? Ты же улетела.

— Ага. Частично. Тут?

— Сергей? В кабинете. Сидит.

— Спасибо.

Она поднялась на второй этаж. Дверь открыта. Он сидел за столом и смотрел в монитор. Чашка с остывшим чаем. Поднял глаза, увидел её. Замер.

— Ты чего? А Тюмень?

— Была. Прилетела обратно.

— Зачем?

— Затем, что надо. Поговорить.

Она закрыла дверь и положила папку на стол. Посмотрела на него.

— Что это?

— Открой. Узнаешь.

Достал бумаги. Он читал долго, медленно.

— Что это?

— Это факты, Илюхин. Компромат — фальшивка. Доказано серьезными людьми.

Он молчал. Потом спросил.

— Ты прилетела сказать мне это лично? Через полстраны. Ночью. Почему не позвонила?

— До вторника долго ждать. Такое не говорят по телефону.

Он встал, подошёл к окну, смотрел на дождь за стеклом.

— Аль.

— Ну?

— Почему ты не сказала мне тогда? Когда узнала от Грошева, что Клыков копает под меня. Не сказала сразу?

— Потому что ты бы полез в драку. Я знаю тебя. Наделал бы глупостей. Я хотела сначала разобраться. Сама. И сказать тебе готовое решение. Хотела, как лучше.

— А получилось, как всегда.

— Ну, да. Прости.

Пауза. Долгая, как чья-то жизнь. Оба молчали. Потом он сказал.

— Я уже не тот мальчик из деревни, который лез в драку. Вырос. Могу решать проблемы не только кулаками. Способен думать и ждать. Нести ответственность. Ты понимаешь?

— Да, понимаю, я. Чего начал-то опять?!

— Тогда почему ты со мной как с ребёнком? Решаешь за меня? Думаешь, что я не справлюсь? Побегу с гаечным ключом на Клыкова?

— Дурак ты, Илюха. И не лечишься. А надо бы.

— Слушай, Петрова. Я взрослый мужик. С животом и залысинами. И с прошлым, которое ты думаешь, я не пережил. Но я пережил. Давно. И живу дальше. Понимаешь? Живу дальше.

Она молчала. Потом встала, взяла папку со стола и прижала к себе. Как щит.

— Ладно, Илюх. Я тебя услышала. Ты у нас теперь большой, взрослый мужик. С животом и залысинами. Сам решаешь, сам думаешь, сам несешь ответственность. А я пойду. Поздно. Мне в гостиницу. Или куда там. У меня квартира съёмная. С оленями. Помнишь?

— Помню.

— Ну вот. Туда пойду. К оленям. Они хоть заткнулись и не учат меня жизни.

Она пошла к двери, открыла, обернулась. И не сдержалась. Выкинула руку с воинственно торчащим средним пальцем.

— Передавай привет своей взрослости, Бревно!

И так грохнула дверь напоследок, что где-то что-то упало со стены.

Он стоял долго, смотрел на дверь. Думал. О словах, которые сказал и не сказал. Он не знал, правильно ли всё, что сказал. Или нет. А она взяла и ушла. Опять.

Он допил чай, встал, взял куртку и вышел на улицу.

Дождь кончился. Небо чистое.

Звёзды.